

Е. П. Блаватская

ОТДЕЛ III

ПОСВЯЩЕНИЕ

Немногие среди людей достигают противоположного берега.

Остальные же люди только суетятся на здешнем берегу.

"Дхаммапада", VI, 85

ЧЕЛЫ

Несмотря на то, что в журналах появилось много статей, посвященных данному вопросу, все еще преобладают ложные взгляды и недоразумения. Кто такие челы, и каковы их возможности? Имеют ли они недостатки, и чем прежде всего они отличаются от людей, не являющихся челами? Следует ли рассматривать каждое слово, произнесенное ими, как евангельскую истину?

Эти вопросы возникают потому, что у многих людей возникли исключительно абсурдные взгляды относительно чел, и когда стало ясно, что эти взгляды следует изменить, во многих случаях это вызвало исключительно резкую реакцию.

Слово "чела" означает просто "ученик"; но оно выкристаллизовалось в теософской литературе, и у разных людей существует столько же определений этого слова, как и в случае слова

"бог". Некоторые люди зашли очень далеко и считают, что если человек является чела, то тем самым он переходит в иной план бытия, и любое слово, которое он произносит, звучит как бы ex cathedra [с трибуны], так что он не может позволить себе иметь простейшую "привилегию" — говорить как обычный человек. Поскольку каждое такое высказывание находится на его совести, он несет ответственность в том случае, если поведет своих слушателей по неправильному пути.

Эта ложная идея должна быть наконец-то исправлена раз и навсегда. Бывают челы и челы, так же как бывают Махатмы и Махатмы. Имеются Махатмы, которые по-существу сами представляют из себя чел, то есть учеников, по отношению к тем, кто выше их. Никто даже на мгновение не может спутать этого челу, находящегося в самом начале своего труднейшего пути, с тем великим челой, который является Махатмой.

На самом деле, чела — это несчастный человек, который вступил на "путь не-проявления", и Кришна говорит, что "это наиболее трудный путь".

Вместо того, чтобы быть постоянным рупором своего гуру, он чувствует себя гораздо более одиноким в этом мире чем те, кто не являются челами; его путь окружен такими опасностями, которые отпугнули бы многих стремящихся, если бы они могли их видеть в натуральную величину; поэтому вместо того, чтобы принять своего гуру и сдавать вступительные экзамены, имея ввиду стать бакалавром оккультизма под постоянным и дружеским руководством своего учителя, на самом деле он стремится в некое охраняемое место и, начиная с этого момента, должен бороться и победить, — или умереть. Вместо

того, чтобы принять что-то самому, он должен стать достойным того, чтобы его приняли. Он не должен предлагать себя самого. Один из махатм написал в этом году: "Никогда не навязывайтесь нам в ученичество; подождите, пока это не снизойдет на вас".

Но если все-таки он был принят в челы, неверно, что он является просто инструментом своего гуру. Он говорит тогда как обычный человек, так же, как он говорил до того, и только в том случае, если учитель посылает посредством магнетизма этого челы действительно написанное послание, только тогда наблюдатели могут сказать, что через него произошла некая коммуникация.

Может случиться, как это бывает время от времени с каждым автором, что они делают верные и прекрасные высказывания, но отсюда вовсе не следует заключать, что в это время через них обязательно говорит гуру. Если у челы в сознании был зародыш хорошей мысли, то влияние гуру, подобно тихому дождю, внезапно могло бы вызвать его к жизни и привести к скорому цветению; тем не менее, это еще не голос учителя. На самом деле, случаи, в которых учитель говорит через челу, очень редки.

Способности чел меняются по мере их развития; но каждый должен знать о том, что если чела и имеет какие-то "способности", ему не позволено использовать их, кроме как в очень редких и экстраординарных случаях, и он никогда не может похвастаться тем, чем он обладает. Отсюда, таким образом, следует, что начинающие челы имеют не больше способностей, чем обычные люди. На самом деле цель, стоящая перед челой — это не приобретение психологической силы; его главная задача состоит в отказе от непреодолимого чувства

индивидуальности, которое, как плотное покрывало, находится перед взором нашего бессмертного существа — истинного человека. До тех пор, пока он не может преодолеть это чувство, он будет находиться у самого входа в оккультизм, не способный проникнуть дальше.

Поэтому сентиментальность не может быть снаряжением челы. Его работа тяжела, его дорога камениста, а конец вдалеке. Будучи просто сентиментальным, он не сможет ничего достигнуть. Ожидает ли он, что учитель прикажет ему показать свою храбрость и броситься вниз головой с обрыва или бесстрашно встретиться с холодными гималайскими скалами? Это ложная надежда; он не позовет вас таким образом. И поэтому, если ему не следует одевать себя в сентименты, то и люди не должны набрасывать ложное покрывало сентиментальности на все его действия и слова тогда, когда они хотят его понять.

И пусть, глядя на чел, мы будем в последующем немного более проницательными по отношению к ним.

"Теософист", октябрь 1884 г.

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ЧЕЛЫ "МЕДИУМАМИ"?

В соответствии с новейшим изданием "Имперского словаря" Джона О'Гильви, Л. Л. Д., "Медиум — это человек, через которого, как утверждают, может проявляться и передаваться действие другого существа при помощи животного магнетизма; или человек, претендующий на то, что через него могут быть совершены какие-либо духовные

проявления; особенно тот, кто, как говорят, способен общаться с духами умерших".

Поскольку оккультисты не верят в какую-либо связь с "духами умерших", в обычном смысле этого слова, по той простой причине, что по их мнению духи "умерших" не могут сходить вниз и общаться с нами, и никогда не делают этого; и поскольку приведенное выше выражение "при помощи животного магнетизма" вероятно изменилось бы, если бы редактор "Имперского словаря" был оккультистом, поэтому мы будем интересоваться лишь первой частью определения слова "медиум", которое гласит: "Медиум — это человек, через которого, как утверждают, может проявляться и передаваться действие другого существа"; и мы позволили бы себе добавить: "осуществляемое посредством сознательно или бессознательно действующей активной воли этого другого существа".

Очень трудно было бы найти на земле такого человека, кто в большей или меньшей степени не подвергался бы влиянию "животного магнетизма" или посторонней активной Воли (которая посылает этот "магнетизм"). Если любимый генерал едет на коне перед фронтом, все солдаты становятся "медиумами". Они наполняются энтузиазмом, следуют за ним без страха и идут на штурм смертоносной батареи. Один общий импульс пронизывает их всех; каждый становится "медиумом" для другого; трус превращается в героя, и только тот, кто вообще не является медиумом и потому нечувствителен к эпидемическим или эндемическим моральным воздействиям, будет представлять исключение, подтвердит свою независимость и сбежит.

Когда проповедник поднимается на кафедру, то, если бы даже он

говорил самую нелепую чепуху, все же его действия и дрожащий тон его голоса являются достаточно впечатляющими, чтобы вызвать вокруг себя, по крайней мере среди женской части прихожан, "перемену в сердце", и если он достаточно сильный человек, то он подействует даже на скептиков, которые "приходя в церковь глумиться, остаются молиться". Люди приходят в театр и проливают слезы или "надрываются от хохота" в зависимости от характера представления, будь это пантомима, трагедия или фарс. Нет ни одного человека, за исключением каких-нибудь врожденных болванов, чьи эмоции и, следовательно, действия не могут быть подвергнуты какому-либо влиянию, и, таким образом, через него не может быть передано или проявлено действие другого человека. Все мужчины, женщины и дети являются, таким образом, медиумами, а человек, который не является медиумом — это монстр, выкидыш природы, поскольку он находится вне человечества.

Вышеприведенное определение вряд ли можно считать достаточно хорошо выражающим значение слова "медиум" в его обычном применении, пока мы не добавим к нему еще несколько слов: "Медиум — это человек, через которого, как утверждают, может проявляться и передаваться действие другого существа на аномальную величину посредством сознательно или бессознательно действующей активной воли этого другого существа". Это уменьшает количество "медиумов" в мире до той величины, в которой мы можем провести в пространстве линию, отделяющую нормальное от аномального; определить же, кто является медиумом, а кто им не является, столь же трудно, как и понять, где кончается здравый ум и где начинается

умопомешательство. Каждый человек имеет свою маленькую "слабость", и каждый человек имеет свой небольшой "медиумизм"; то есть, некоторую уязвимую точку, при помощи которой он может быть застигнут врасплох. Никто не может, по существу считаться безумным; и никто не может быть назван "медиумом". Часто расходятся мнения относительно того, является ли человек безумным или нет; и так же они могут расходиться в отношении его медиумизма. В практической жизни человек может быть очень эксцентричным, но его не считают сумасшедшим до тех пор, пока его безумие не достигнет такой степени, что он перестанет понимать, что он делает, и поэтому будет неспособен заботиться о себе или своем деле.

Мы можем продолжить ту же линию рассуждений в отношении медиумов, говоря, что только те люди должны рассматриваться как медиумы, кто позволяет другим существам влиять на них в такой степени, что они утрачивают самоконтроль и не имеют более своей собственной силы-воли, чтобы контролировать свои действия. Такой отказ от самоконтроля может быть активным или пассивным, сознательным или бессознательным, произвольным или непроизвольным; он различается также в зависимости от природы тех существ, которые оказывают активное влияние на медиума.

Человек может сознательно и произвольно подчинить свою волю другому существу и стать его рабом. Это другое существо может быть человеком, и тогда медиум станет его покорным слугой и может использоваться им для хороших или плохих целей. Это другое "существо" может быть некой идеей, такой как любовь, жадность, ненависть, зависть, скупость, или какая-либо другая страсть, и

влияние, оказываемое ей на медиума, будет пропорционально силе этой идеи, а также будет зависеть от того, в какой мере сохранился самоконтроль у медиума. Это "другое существо" может быть элементарием, или элементом, и бедный медиум становится эпилептиком, маньяком или преступником. Это "другое существо" может быть высшим принципом самого человека, либо одиночным, либо связанным с коллективным универсальным духовным принципом; в этом случае "медиум" будет великим гением — писателем, поэтом, художником, музыкантом, изобретателем и т. д. Это "другое существо" может быть одним из тех возвышенных существ, которых называют махатмами, и тогда медиум, действующий сознательно и произвольно, может быть назван их "чела".

Опять-таки, человек может за всю свою жизнь никогда не слышать слова "медиум", и все же быть сильным медиумом, хотя и полностью неосознающим этого. Его действия могут быть вызваны в большей или меньшей степени на бессознательном уровне его видимым и невидимым окружением. Он может стать добычей элементариев или элементов, даже не узнав значения этих слов, и превратиться в вора, убийцу, насильника, пьяницу или головореза, и достаточно часто случалось так, что преступления имели эпидемический характер; или же из-за каких-то невидимых влияний человек может совершать поступки совершенно несовместимые с его характером, каким он был ранее известен. Он может быть великим лжецом, и вдруг, однажды, благодаря какому-то невидимому влиянию, быть вынужденным говорить правду; он может в обычной жизни быть очень осторожным, и все же, в каких-то обстоятельствах и под влиянием момента совершить акт героизма; он

может быть уличным хулиганом и мерзавцем, и внезапно совершить благородный поступок, и т. д.

Кроме того, медиум может знать источники, из которых исходит влияние, или, говоря точнее, "природу существа, чье действие передается через него"; или же он может не знать этого. Он может находиться под влиянием своего собственного седьмого принципа и воображать, что вступил в связь с личным Иисусом Христом, или каким-либо святым; он может быть в контакте с "интеллектуальным" лучом Шекспира и писать шекспировские поэтические произведения, или же он может воображать, что через него пишет личный дух Шекспира; что бы он ни думал по этому поводу, это не делает его поэзию ни лучше, ни хуже. Он может находиться под воздействием какого-либо Адепта и писать большую научную работу, и быть в абсолютном неведении об источнике своего вдохновения; или же он может воображать, что "дух" Фарадея или лорда Бекона пишет через него, тогда как он, по-видимому, действовал как "чела", хотя и не признавал этого.

Из всего этого следует, что упражнение в медиумизме состоит в более или менее полном отказе от самоконтроля; будет ли это упражнение хорошим или плохим, полностью зависит от того, как оно употребляется и для какой цели оно совершается. Это, опять-таки, зависит от тех знаний, которые имеет медиум относительно природы существа, которому он произвольно или непроизвольно на время предоставляет право руководить своими физическими и интеллектуальными силами. Человек, который неразборчиво доверяет эти способности воздействию любой незнакомой силы, без сомнения

является "больным", и его следует рассматривать не менее безумным, чем того, кто доверил бы свои деньги и ценности первому встречному, попросившему его об этом. Мы иногда встречаем таких людей, хотя они относительно редки; их легко узнать обычно по идиотскому пристальному взгляду и фанатизму, с которым они цепляются за свое невежество. Таких людей следует пожалеть, вместо того чтобы стыдить, и, если возможно, их надо просветить относительно той опасности, которой они подвергаются. Но может ли "чела", который сознательно и произвольно предоставляет на время свои ментальные способности высшему существу, которое он знает, и в чистоте побуждений, благородстве намерений, разуме, мудрости и силе которого он абсолютно уверен,— может ли он рассматриваться как "медиум" в вульгарном смысле этого слова? Решение этого вопроса лучше всего предоставить самому читателю, после должного рассмотрения всего вышеизложенного.

"Теософист", июнь 1884 г.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЖЕЛАНИЕ ЖИТЬ ЭГОИСТИЧНЫМ?

Высказывание, "Жить, Жить, ЖИТЬ— это должно быть непреклонным решением", появившееся в статье "Эликсир жизни", опубликованной в мартовском и апрельском номерах третьего тома "Теософиста", часто цитируется поверхностными читателями, несимпатизирующими Теософскому обществу, как аргумент в пользу того, что учение оккультизма представляет собой наиболее концентрированную форму

эгоизма. Прежде чем выяснится правда или неправда таких критиков, следует определить значение слова "эгоистичность".

В соответствии с признанным авторитетом, эгоистичность— это "исключительная приверженность к собственным интересам или счастью; та высшая само-любовь или само-предпочтение, которые приводят человека к тому, чтобы действовать в соответствии со своим собственным интересом, силой, или счастьем, не обращая внимания на других людей".

Коротко говоря, абсолютно эгоистичный индивидуум— это тот, кто заботится о себе и более ни о ком, или, другими словами тот, кто так сильно наполнен чувством важности своей собственной личности, что для него она является душой всех его мыслей, желаний и устремлений, а все, что кроме этого — это абсолютная пустота. Как же можно сказать об оккультисте, что он "эгоистичен", если он желает жить в том смысле, в котором это слово употребляется автором статьи "Эликсир жизни"? Мы снова и снова говорим о том, что конечная цель каждого, кто стремится к оккультному знанию, — это нирвана, или мукти, когда индивидуум, освобожденный от всей майявической упадхи, становится единым с Параматмой, или Сын отождествляет себя с Отцом, в соответствии с христианской фразеологией. С этой целью каждый покров иллюзии, создающей чувство личной изоляции, ощущение своей отдельности от Всего, должен быть разорван; или, другими словами, стремящийся должен постепенно освободиться от всякого чувства эгоистичности, которым поражены в той или иной степени все мы. Изучение Закона космической эволюции

говорит нам о том, что чем выше уровень эволюции, тем больше он стремится к Единству. В действительности, Единство — это окончательная возможность Природы, и те, кто идет против ее намерений по причине своей суетности и эгоистичности, могут навлечь на себя лишь наказание в виде полного уничтожения. Таким образом оккультист сознает, что бескорыстие и чувство всеобщей филантропии — это внутренний закон нашего бытия, и все, что он делает, — это попытки разорвать цепи эгоистичности, в которые нас заковала Майя. Борьба между Добром и Злом, Богом и Сатаной, Сурами и Асурами, Девами и Дайтьями, о которой говорится в священных книгах всех народов и рас, символизирует ту борьбу между импульсами бескорыстия и эгоизма, которая происходит в человеке, пытающемся следовать высшим задачам природы, пока он полностью не победит низшие животные тенденции, создаваемые эгоистичностью, и пока враг не будет полностью разбит и уничтожен. В различных теософских и оккультных писаниях часто выдвигается мысль о том, что единственная разница между обычным человеком, работающим вместе с природой на пути космической эволюции, и оккультистом, заключается в том, что последний, благодаря своему высшему знанию, использует такие методы тренировки, чтобы ускорить этот процесс эволюции, и таким образом он достигает в относительно короткое время такой вершины, подъем на которую потребовал бы для обычного индивидуума вероятно биллионы лет. Коротко говоря, за несколько тысячелетий он приближается к той форме эволюции, которой обычное человечество достигнет вероятно в шестом или седьмом цикле в процессе манвантары, то есть, циклического продвижения. Очевидно, что средний человек не может

стать Махатмой в течение одной жизни, или точнее — в одной инкарнации. Те, кто изучили оккультные доктрины относительно Девахана и наших последующих состояний, помнят, что между двумя инкарнациями имеется значительный период субъективного существования. Чем больше количество таких Деваханических периодов, тем больше количество лет, которые занимает эта эволюция. Главная задача оккультиста поэтому — контролировать самого себя так, чтобы быть способным проконтролировать и свои будущие состояния, постепенно сокращая длительность деваханических состояний между двумя инкарнациями. На этом пути может наступить такое время, когда между физической смертью и его следующим перерождением вообще не будет Девахана, а будет лишь своеобразный духовный сон, шок смерти, переводящий его в состояние бессознательности, из которого он постепенно выходит и обнаруживает самого себя рожденным вновь для того, чтобы продолжить свои усилия. Длительность этого сна может варьировать от 25 до 200 лет, в зависимости от степени его продвижения, но даже этот период, можно сказать, является потерянным временем, и поэтому все его усилия направлены на то, чтобы сократить его длительность и постепенно прийти к такой точке, в которой переход из одного состояния существования в другое почти неощутим. Это его последняя инкарнация, когда шок смерти больше не ошеломляет его. Именно эту мысль пытается высказать автор статьи "Эликсир жизни", когда он пишет:

В то время, или около того, когда граница Смерти жизненного пути расы пересечена, ОН **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УМИРАЕТ**, в обычном смысле

этого слова, то есть, он освободил себя от всех или почти всех таких материальных частиц, которые надо было бы разрушать в агонии умирания. Он постепенно умирал в течение всего периода его Посвящения. Катастрофа не может произойти дважды. Он лишь распределил на несколько лет процесс исчезновения, на что другим требуется срок от краткого мгновения до нескольких часов. Высший адепт на самом деле мертв по отношению к Миру, или абсолютно не осознает его, — он забывает о его удовольствиях, он не обеспокоен его страданиями — поскольку чувственность уходит, а суровое чувство ДОЛГА никогда не покидает его, не замечающего свое собственное существование...

Процесс испускания и притяжения атомов, который контролирует оккультист, подробно обсуждался в этой статье и в других работах. Именно таким путем он постепенно освобождается от всех старых крупных частиц своего тела, замещая их более тонкими и более эфирными, пока наконец исходная стхула шарира полностью не отмирает и не разрушается, и тогда он начинает жить в теле, полностью созданном им самим. Это тело весьма существенно для его намерений, поскольку, как говорится в "Эликсире жизни":

Но для того, чтобы делать добро, как и во всех других случаях, человек должен иметь время и материал для своей работы, и это необходимые средства для приобретения тех сил, при помощи которых может быть сделано намного больше добра, чем без них. Как только эти силы приобретены, появляются и возможности использовать их...

В другом месте, давая практические инструкции по этому поводу, та же статья говорит:

Физический человек должен быть сделан более эфирным и чувствительным; ментальный человек — более проницательным и глубоким; нравственный человек — самоотреченным и философским.

Вышеприведенные глубокие рассуждения не замечаются теми, кто выхватывает из контекста следующий отрывок из той же самой статьи:

Поэтому очевидно, насколько это глупо, когда люди просят теософов помочь им "установить связь с высшими адептами". Лишь с очень большим трудом можно вынудить (даже мучениями целого мира) одного или двух из них повредить своему собственному продвижению вперед вмешательством в мирские дела. Обычный читатель скажет — "Это не Богоподобно. Это душа эгоизма"... Но пусть он поймет, что даже очень высокий Адепт, пытающийся преобразить мир, неизбежно подвергся бы еще одной инкарнации. И является ли результат всего, что было сказано ранее в этой статье, достаточно обнадеживающим для того, чтобы побудить к совершению новой попытки?

Но, осуждая вышеприведенное высказывание как проявление крайнего эгоизма, поверхностные читатели не учитывают несколько очень важных обстоятельств. Прежде всего, они забывают о других положениях этой статьи, цитированных выше, согласно которым

необходимым условием успеха является самоотречение и приобретение по мере продвижения новых чувств и новых сил, благодаря чему может быть сделано гораздо больше добра, чем до того. Чем более духовным становится адепт, тем менее он может вмешиваться в мирские, грубые дела, и тем более он ограничивает себя духовной работой. Множество раз повторялось, что работа в высшем плане является столь же превосходящей работу в плане интеллектуальном, сколь эта последняя является более высокой по отношению к работе в физическом плане. Поэтому самые высокие адепты действительно помогают человечеству, но только в духовном смысле: по своей природе они не могут вмешиваться в мирские дела. Но это относится только к самым высоким адептам. Имеются разные степени адептства, и адепты, находящиеся на разных стадиях, трудятся для человечества в том плане, до которого они доросли. И только челы могут жить в мире до тех пор, пока они не поднялись до определенного уровня. Именно таким образом адепты заботятся о мире, помогая своим челам жить в нем и заботиться о нем, как об этом осведомлены многие из тех, кто изучал данный вопрос. Каждый цикл создает своих собственных оккультистов, которые могут работать для человечества своего времени в самых различных планах; но если адепты предвидят, что в какой-то период человечество не сможет создать оккультистов для работы в тех или иных планах, то в таких случаях они помогают человечеству или путем добровольного отказа от своего собственного продвижения вперед, ожидая, пока человечество пройдет этот период, или отказываясь вступать в нирвану и подчиняясь перерождениям, если человечество требует их помощи в это время. И хотя мир может ничего не знать об

этом, но даже сейчас имеются некоторые адепты, которые предпочли сохранить statu quo и отказались от более высоких степеней для блага будущих поколений человечества. Коротко говоря, поскольку адепты работают гармонично — так как фундаментальным законом их бытия является единство — они как бы разделили между собой труд, благодаря чему каждый работает для духовного возвышения всех нас в течение выделенного ему времени; — процесс долговечности, упомянутый в "Эликсире жизни", — это только средство для достижения того, что бесконечно далеко от эгоизма и является наиболее бескорыстной целью, ради которой только и может трудиться человеческое существо.

"Теософист", июль 1884 г.

МАХАТМЫ И ЧЕЛЫ

Махатма — это выдающаяся личность, которая, посредством специальной тренировки и образования, развила такие высшие способности и достигла такого духовного знания, которых обычные люди достигают лишь проходя через бесчисленную серию перевоплощений в результате космической эволюции, конечно, лишь при условии, что они не пойдут против целей Природы и тем самым не приведут к собственному исчезновению. Этот процесс самоэволюции Махатмы проявляется во многих "воплощениях", хотя их самих сравнительно немного. Но кто же такие эти воплощенные? Окультиное учение, так,

как оно дается, показывает, что три первых принципа более или менее исчезают вместе с тем, что называется физической смертью. Четвертый принцип, вместе с низшей частью пятого, в которых сохраняются животные склонности, имеет местом своего пребывания Кама-локу, где он испытывает страдания в соответствии с размерами его низших желаний; в то время, как его высший манас, чистый человек, связанный с шестым и седьмым принципами, попадает в Девахан, чтобы наслаждаться результатами своей доброй кармы, и быть перевоплощенным в высшую личность. Сущность, прошедшая через оккультное обучение в своих последовательных рождениях, имеет соответственно (в своих воплощениях) все меньше и меньше от этого низшего манаса, пока не наступит время, когда его целый манас, который приобрел полностью возвышенный характер, сконцентрируется в высшей личности, и тогда про такого человека можно сказать, что он стал Махатмой. Во время физической смерти четыре низших принципа погибают без какого-либо страдания, поскольку они являются для него, фактически, как бы предметами одежды, которые он по своей воле снимает и одевает. Подлинный Махатма, таким образом, — это не его физическое тело, но тот высший манас, который неразрывно связан с атмой и ее оболочкой (шестым принципом); этого объединения он достигает в сравнительно короткий промежуток времени благодаря процессу самозволюции, установленному оккультной философией. Поэтому, когда люди выражают желание "видеть Махатму", они, по-видимому, в действительности не понимают того, о чем они просят. Как могут они надеяться увидеть при помощи своих физических глаз то, что превосходит их возможности? То ли это тело, — а скорее

раковина или маска, — которого они страстно желают или ищут? И, предполагая, что они видят тело Махатмы, как они могут знать, что за ним спрятана возвышенная сущность? По каким стандартам они судят о том, что отражает майя, находящаяся перед ними, — образ истинного Махатмы или нет? И кто может сказать, что в физическом содержится что-то большее, чем майя? Высшие вещи могут быть восприняты только чувством, подходящим для них. Поэтому тот, кто хочет увидеть истинного Махатму, должен использовать свое интеллектуальное зрение. Он должен так возвысить свой манас, чтобы его восприятие стало чистым, и всякий туман, созданный майей, должен быть рассеян. Его видение будет тогда ясным, и он увидит Махатм, где бы ни находился, поскольку слившиеся с шестым и седьмым принципами, вездесущими и всепроникающими, Махатмы, можно сказать, находятся повсюду. Однако, как это бывает, когда мы стоим на вершине горы, а перед нашим взглядом простирается целая равнина, в которой мы не различаем какого-либо дерева или другого предмета, поскольку сверху все они кажутся одинаковыми для нас, и наше внимание может привлечь лишь то, что отличается от всего окружающего, — точно так же, хотя все человечество находится в пределах ментального видения Махатм, каждый человек не может ожидать того, что он будет замечен, до тех пор, пока он не привлечет к себе специального внимания, благодаря своим собственным поступкам. Их специальной заботой является величайший интерес к Человечеству в целом, поскольку они отождествили себя с Универсальной Душой, которая простирается через все Человечество; и тот, кто хотел бы привлечь их внимание, должен обращаться к этой Душе, которая находится повсюду. Такое восприятие

манаса может быть названо "верой", которую не следует смешивать со слепым доверием. "Слепая вера" — это выражение, иногда используемое для обозначения убеждения, которому не предшествует восприятие или понимание; на самом деле, истинное восприятие манаса — это то просветленное доверие, которое и является настоящим значением слова "вера". Это доверие может в то же время сочетаться с сознанием, то есть, внутренним опытом, поскольку "истинное знание несет с собой веру". Вера — это восприятие манаса (пятого принципа), тогда как знание, в истинном смысле этого слова, это способность интеллекта, то есть, духовное восприятие. Коротко говоря, высшая индивидуальность человека, состоящая из его высших манасов, шестого и седьмого принципов, должна действовать как единое целое, и только тогда он может получить "божественную мудрость", ибо божественное может быть воспринято лишь благодаря божественным способностям. Таким образом, желание, которое толкает человека на принятие ученичества, должно сочетаться с пониманием Закона Космической Эволюции, который позволит ему работать в гармоничной согласии с Природой, вместо того, чтобы действовать из-за собственного неведения вопреки ее целям.

"Теософист", июль 1884 г.

МОГУТ ЛИ МАХАТМЫ БЫТЬ ЭГОИСТИЧНЫМИ?

В различных сочинениях по оккультным вопросам утверждалось, что

отсутствие эгоизма — это *sine qua non* [необходимое условие] для того, чтобы достичь успеха в оккультизме. Или, говоря точнее, развитие чувства бескорыстия само по себе является первичным воспитанием, которое несет с собой, как необходимое дополнение, понимание того, что "знание — это сила". Оккультист работает, конечно, не ради того "знания", которое обычно имеют ввиду; оно приходит к нему, по сути дела, вследствие того, что он сумел удалить покров, который скрывает от его взгляда истинное знание. Основа знания существует повсюду, поскольку феноменальный мир снабжает нас в изобилии фактами, причины которых должны быть открыты. В феноменальном мире мы видим только следствия, поскольку каждая причина в этом мире является сама по себе следствием какой-либо другой причины, и так далее; и, поэтому, истинное знание заключается в отыскивании корней всех феноменов, и, таким образом, в достижении правильного понимания первоначальной причины, "необоснованной основы", которая, в свою очередь, не является следствием.

Правильно постигая что-нибудь, человек может использовать только те чувства или органы, которые соответствуют природе данного объекта. Таким образом, для постижения ноуменального, необходимым условием является ноуменальное чувство; в то время как преходящий феномен может быть воспринят с помощью чувства, соответствующего природе этого феномена. Оккультная философия учит нас тому, что лишь седьмой принцип представляет собой вечную Реальность, в то время как остальные, принадлежащие к непостоянному "миру форм", являются иллюзорными в том смысле, что они временны и преходящи.

Этим ограничен феноменальный мир, который можно заметить благодаря чувствам, соответствующим природе этих шести принципов. Таким образом станет понятным то, что лишь седьмое чувство, которое имеет отношение к ноуменальному миру, может постигнуть Абстрактную Реальность, лежащую в основе всех феноменов. Поскольку этот седьмой принцип является всепроникающим, он в скрытом виде существует во всех нас; и тот, кто хочет достигнуть истинного знания, должен развивать в себе это чувство, или, скорее, он должен снять тот покров, который закрывает от него проявление этого чувства. Всякое чувство индивидуальности ограничено только этими низшими шестью принципами, поскольку они связаны лишь с "миром форм". Следовательно, истинное "знание" может быть обретено лишь благодаря срыванию всех покровов майи, порожденных чувством индивидуальности перед лицом безличной атмы.

Все это относится только к той индивидуальности, центром которой является эгоизм, или, скорее, последний создает первую и *vice versa* [наоборот], поскольку они взаимодействуют и реагируют друг на друга. Ибо, эгоизм — это такое чувство, которое добивается развития и преобладания своей собственной эгоистической индивидуальности путем исключения всего остального. Если, таким образом, эгоистичность превращает человека в узкую и ограниченную личность, то абсолютное знание невозможно до тех пор, пока он не избавится от нее. Однако, пока мы находимся в этом мире феноменов, мы не можем полностью отрешиться от чувства индивидуальности, сколь бы возвышенным оно ни было,— в том смысле, что не осталось бы ощущения личного преобладания или амбиций. По своему строению и

эволюционному положению мы находимся в "Мире Относительности", но, признавая, что безличное и недвойственное является конечной целью космической эволюции, мы должны пытаться сотрудничать с Природой, а не становиться в оппозицию к присущему ей импульсу, который должен окончательно утвердить себя. Противостояние на этом пути неизбежно должно привести к страданию, поскольку более слабая сила эгоистично стремится выступить против всеобщего закона.

Все, что оккультист делает — это то, что он лишь ускоряет этот процесс, предоставляя своей воле право действовать в унисон с Космической Волей или Демиургическим Разумом; это может быть достигнуто путем успешного противодействия напрасным попыткам личности утвердить себя вопреки последним. И, поскольку Махатма является лишь выдающимся оккультистом, который в высшей степени может контролировать свое высшее "я" и в той или иной мере подчинить его Космическому импульсу, поэтому в самой природе вещей заключено то, что он не может действовать иначе, чем бескорыстно. Скорее он перестанет быть Махатмой, чем позволит "личному я" утвердить себя. Поэтому те, кто все еще находится в паутине иллюзий, приписывая Махатмам "эгоизм" постольку, поскольку они скрывают "знание", которым они обладают,— не понимают, о чем они говорят. Закон Космической эволюции постоянно действует таким образом, чтобы достичь окончательного единства и переместить феноменальный на ноуменальный уровень; Махатмы, будучи *en rapport* [связанными] с этим Законом, помогают осуществлению этой цели. Поэтому они знают лучше, какое знание более всего подходит для человечества на данной стадии его развития, и не существует никого

другого, кто был бы столь компетентен в этом вопросе, поскольку только они овладели основным знанием, которое только и может определить правильность курса и произвести должное различие.

Для нас, барахтающихся до сих пор в болоте иллюзорных чувств, указывать Махатмам, какое знание они должны нам передать и как они должны действовать, было бы подобно тому, как если бы уличный мальчишка пытался обучать науке профессора Гексли или политике — м-ра Гладстона. Ибо очевидно, что как только даже самое малое чувство эгоизма пытается утвердить себя в Махатме, его духовное видение, которое является его единственным способом восприятия, закрывается завесой, и он утрачивает свою "силу", которую может создать лишь абстрактное "знание". Таким образом, мы должны постоянно осуществлять активное наблюдение за своей "волей", чтобы не дать выйти на поверхность нашей низшей природы, что именно и случается в нашем нынешнем недостаточно развитом состоянии; следовательно, не пассивность, а исключительно высокая активность является основным условием для того, чтобы начать обучение. Прежде всего, его активность направляется на то, чтобы противодействовать влияниям его "низшего я"; когда с этим будет покончено, его воля, не останавливаемая никакими препятствиями и располагающаяся в центре его высшего (истинного) "я", продолжит свою работу, действуя наиболее эффективным образом в унисон с космическим "Божественным Разумом".

"Теософист", август 1884 г.

В ПОИСКАХ ОККУЛЬТИЗМА

Получая ежедневно много писем с просьбой посоветовать лучший метод изучения оккультизма и его связи с современным спиритуализмом, но не имея достаточно времени, чтобы ответить на все эти запросы, предлагаю читателям небольшой обзор, в которой назову несколько основных трудов по магии и тайнам современных герметиков.

Здесь необходимо добавить, учитывая все сказанное ранее, что те, кто собирается изучать эти труды, не должен обольщаться мыслью и возможностью стать оккультистами-практиками только лишь на основе знаний, почерпнутых из книг. Труды философов-герметиков никогда не предназначались для широких масс, и как замечает в своей последней статье мистер Чарльз Сотеран, ученый член общества розенкрейцеров: "Габриель Розетти в подобном трактате об анти-папском духе, приведшем к реформации, показывает, что искусство говорить и писать на языке, который можно интерпретировать двояко,— очень древнее искусство. Это искусство практиковали египетские жрецы, от них ему научились манихеи, далее — тамплиеры и альбигойцы распространили его по всей Европе, что и привело к Реформации".

Лучшей книгой, когда-либо написанной о символах и мистических орденах, бесспорно является книга Харгрейва Дженнингса "Розенкрейцеры". Однако, в моем присутствии ее неоднократно называли "невразумительной чепухой", причем это делали люди, прекрасно разбирающиеся в обрядах и мистериях современного

франкмасонства. Те же, кто не знает и этого, легко могут представить, прочтя эту книгу, сколько они вынесут из еще более неясных мистических трудов, ибо если сравнить книгу Харгрейва Дженнингса с некоторыми средневековыми трактатами или трудами алхимиков и магов, последние намного непонятнее с точки зрения языка. Так же непонятна была бы Книга Небес для изучающего небесную философию, если бы он взялся рассматривать далекие звезды не с помощью мощного телескопа, а невооруженным глазом.

Но я далека от мысли обесславить чей бы то ни было похвальный порыв к ревностным поискам Истины, независимо от того, сколь бесплодным и неблагодарным это на первый взгляд может выглядеть.

Моим основным принципом было сделать Свет Истины маяком моей жизни. Слова, 18 столетий назад произнесенные Христом: "Веруйте и тогда поймете",— можно применить и ныне, я лишь немного изменяю их: "Обретайте знания и вы уверуете".

Но я не готова принять на себя ответственность отправить желающих начать изучение тайн природы к какой-либо определенной книге по оккультизму. Что может быть ясно тому, кто обладает интуицией, для другого может оказаться бессмысленным. Пока человек не готов посвятить всю свою жизнь великому знанию оккультных наук, их изучение, вне всякого сомнения, сделает его мишенью насмешек и издевательств миллионов невежд. Кроме того, выбор этой науки в качестве простого развлечения более чем опасен. Всегда следует помнить поучительную историю Эдипа, чтобы не повторить ее последствия. Эдип разгадал тайну Сфинкса лишь наполовину и умертвил его, но вторая половина тайны отомстила за смерть символического

зверя и вынудила царя Фив предпочесть слепоту и ссылку тому, что он считал недостаточно чистым. Он разгадал тайну человека, формы, но забыл о Боге, о мысли.

Если человек собирается следовать стопам философов-герметиков, он должен быть заранее готов к мученичеству. Он должен оставить личную гордость и все эгоистичные порывы, быть готовым к постоянным столкновениям с друзьями и врагами. Он раз и навсегда должен проститься со всеми своими предшествовавшими мыслями. Все религии, знания, науки должны снова стать для него незнакомой книгой, как в дни младенчества, потому что если он хочет добиться чего-либо, ему придется заново изучать азбуку на коленях Матери-Природы, но каждая буква этой азбуки будет дарить ему прозрение, каждый слог и слово — неожиданное откровение. Но против современного оккультизма поднимутся, став союзниками, два доселе непримиримых врага — наука и теология — эти Монтекки и Капулетти XIX века. Если уже пройден век сжигания на кострах, то в полном расцвете век клеветы, ядовитой прессы и злословия, так живо выраженный бессмертным Доном Базилио. Долг каббалиста относительно науки — доказать, что с самого начала существовала лишь одна позитивная наука — оккультизм, что он был таинственным рычагом всех интеллектуальных сил. Древом познания добра и зла аллегорического рая, от гигантского ствола которого во всех направлениях расходились сучья, ветви и веточки; первые сначала очень прямые, последние, искривленные по всей длине, принимают самые фантастические формы, но в конце концов теряют жизненные соки, деформируются, высыхают, отваливаются от ветвей и покрывают землю вокруг дерева грудой мусора. Оккультисту будущего

придется показать теологам, что боги их мифов, Элохимы Израиля, а также религиозные и философские тайны христианства, как то: Троица и другие, родились в Мемфисе и Фивах, что их праматерь Ева — одухотворенная Психея, причем обе они одинаково поплатились за свое любопытство тем, что одной пришлось спуститься в Аид, другой — в Ад. Психее — затем, чтобы принести на землю известный ящик Пандоры, Еве — чтобы найти и размозжить голову Змию, символу времени и зла; преступление обеих было искуплено — языческим Прометеем через Геркулеса и христианским Люцифером, побежденным Спасителем.

Более того, оккультисту придется публично доказывать христианским теологам то, о чем священники-христиане в тайне знают, а именно: что их Бог на земле был каббалистом, скромным представителем огромной Силы, которая при неправильном приложении может сотрясти мир до основания; и что все их евангельские символы происходят из одного источника. Например, их воплощенное Слово (Verbum), Логос при рождении приветствовали три Волхва, пришедшие по звезде, они одарили его золотом, благовониями и мирром — все это лишь выдержки из каббалы, которую презирают наши современные теологи; здесь волхвы представляют еще одну, более таинственную "Троицу", заключающую высшие тайны каббалы.

Священнослужители, чьей основной целью всегда было сделать из божественного креста виселицу для Свободы Истины, не могут поступить иначе, как попытаться предать забвению происхождение этого креста; который даже в самых примитивных символах египетских магов представляет ключ к небесам. Но их анафемы не имеют силы в наши дни. Люди в большинстве своем стали мудрее, однако, именно

здесь и подстерегает основная опасность — если не удастся убедить людей, чтобы пока они не обретут больших знаний, они оставались хотя бы нейтральными в наступающем конфликте между Истиной, Суеверием и Самонадеянностью, или, другими словами, между оккультным спиритуализмом, теологией и наукой. Не бойтесь ни игрушечных бурь, устраиваемых священниками, ни бессмысленных отрицаний ученых. Но, если собираетесь стать оккультистом, как бы мужественны Вы ни были бы не пренебрегайте одним врагом — Общественным Мнением, этим невидимым, неуловимым, вездесущим, деспотичным тираном, этой тысячеголовой Гидрой, еще более опасной тем, что она состоит из отдельных посредственностей. Многие слишком невинные спиритуалисты оставили свои овечьи шкуры в цепких лапах этого вечно голодного, рыкающего льва, ибо из трех наших врагов это — самый опасный. Какая же судьба ждет в таком случае несчастного оккультиста, если ему хоть раз удастся продемонстрировать это сходство? Людские массы, не ценящие обычно науку Истины и не имеющие реальных знаний, руководствуются безошибочным инстинктом; они интуитивно чувствуют (если позволят мне так сказать), где величие истинной силы. Люди никогда не будут замышлять против чего-либо кроме реальной Силы. Из-за их слепого невежества Тайны и Неведомое всегда были и будут для них источником ужаса. Цивилизация может прогрессировать; человеческая природа останется такой же на протяжении столетий. Будьте бдительны оккультисты!

И пусть будет ясно, что я обращаюсь лишь к истинно мужественным и упорным. Кроме отмеченной уже опасности человек, решивший стать

окультизмом-практиком, столкнется в этой стране почти с бессчетным количеством трудностей. Перед ним предстанут барьер за барьером, всевозможные препятствия, ибо глубоко зарыты ключи от Золотых Врат, ведущих к Беспредельной Истине, а сами Врата окутаны туманом, рассеивающимся лишь под пылкими лучами беззаветной веры. Только вера — одна ее крупица величиной с горчичное зерно, по словам Христа, может сдвинуть гору; вера покажет, сколь простой и ясной становится каббала для посвященного, как только он преодолет первые и самые глубокие трудности. Учение каббалы логично, просто и абсолютно. Необходимый союз мыслей и знаков; троичность слов, букв, чисел и теорем; ее религию можно выразить несколькими словами. "Это Бесконечность, уместяющаяся в руке ребенка", — сказал Элифас Леви. 10 арабских цифр, 22 буквы алфавита, один треугольник, квадрат и круг. Это элементы каббалы, на таинственной груди которой были вскормлены все религии, древние и настоящие; которая снабдила символами и тайнами все франкмасонские общества, которая единственно может примирить рассудок человека с Богом и Верой, Силу со Свободой, Науку с Тайнами, и которая единственно держит ключи прошлого, настоящего и будущего.

Первая трудность для вступающего на путь оккультизма заключается в его неспособности понять, как я уже отмечала, значение лучших книг философов-герметиков. Эти философы в основном жили в средние века и, руководствуясь, с одной стороны, долгом перед братьями и желанием только им и их последователям сообщить великие тайны, а, с другой стороны, естественным желанием избежать кровожадной христианской инквизиции, — окутывали себя тайной более,

чем обычно. Они изобрели новые знаки и иероглифы, обновили символический язык верховных жрецов древности, которые также пользовались этим языком как барьером между своими священными обрядами и невежеством толпы непосвященных; и создали настоящий каббалистический разговорный язык. Именно этот язык ослеплял ложных неофитов, притягивавшихся к науке из жадности, желания богатства и силы, которыми они бы, конечно, неверно воспользовались, если бы обрели их; но этот язык в то же время — живой, красноречивый, ясный — для истинного ученика и последователя Гермеса.

Но даже, если бы это было не так, а для изучения каббалы можно было бы легко приобрести книги по оккультизму, написанные простым и точным языком, этого все равно было бы недостаточно для настоящего, глубокого и истинного понимания некоторых авторов. Галатинус, Пико делла Мирандола, Парацельс, Робертус де Флуктибус не дают ключа к практическим тайнам. Они просто рассказывают, что может быть сделано, но не говорят как. Многие философы, знающие чуть ли не наизусть всю литературу герметиков и посвятившие ее изучению 30 — 40 лет жизни, терпят неудачу именно когда думают, что близки к достижению конечного результата. Необходимо знать древнееврейских авторов, как "Сефер Йецира" или выучить наизусть великую книгу "Зогар" в оригинале, изучить "Kabalah Denudata" из Собрания 1684 г. (Париж), заняться каббалистической пневматикой, а затем броситься с головой в туманные воды этого таинственного*... никогда не пытались объяснить: Пророчество Иезекииля и Апокалипсис, 2 каббалистических трактата, прокомментировать которые могут лишь великие волхвы; книги за семью печатями для верных христиан, но ясные для неверных,

посвященных оккультных наук.

Итак, повторяю, оккультная литература писалась не для масс, но для тех членов Братства, кто основной целью жизни избирал разрешение тайн каббалы и кто уже покорил первые сложности азбуки философских герметиков.

Пылким и упорным могу предложить один совет: "Дерзайте". Одно путешествие на Восток, если вы пребудете в должном состоянии духа,— и возможные "случайные" встречи, обычные при путешествиях, вполне могут помочь открыться настежь дотоле закрытым дверям, ведущим к разгадкам тайн. Скажу больше: если вы отправитесь в такое путешествие с одной, непокидающей Вас мыслью, и с пылкой волей, результаты будут быстрее, лучше и практичнее, чем самое усердное изучение оккультизма по книгам, даже если посвятить этому десятки лет.

Из журнала "The Spiritual Scientist" sine qu^a non

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОККУЛЬТИЗМ

Самые важные сведения для учеников

Как показывают регулярно приходящие ко мне письма, есть много людей, кто ищет практических инструкций по оккультизму. Поэтому, назрела необходимость установить раз и навсегда:

(а) существенное различие между теоретическим и практическим

окультизмом, или тем, что известно как теософия, с одной стороны, и оккультная наука, с другой;

(б) сущность проблем, возникающих при изучении последней.

Легко стать теософом. Любой человек со средними интеллектуальными способностями, склонный к метафизике, ведущий чистую и бескорыстную жизнь, который получает больше удовольствия, помогая своему соседу, чем принимая от него помощь; тот, кто всегда готов принести в жертву свои собственные удовольствия ради других людей; тот, кто любит Истину, Добродетель и Мудрость ради них самих, а не ради той пользы, которую они могут принести с собой, — является теософом.

Но совсем другое дело встать на путь, который ведет к познанию того, что следует делать, чтобы отличить добро от зла; путь, который, также, ведет человека к обладанию той силой, посредством которой он может делать то добро, которое хочет, часто, даже не поднимая для этого пальца.

Кроме того, имеется один важный факт, с которым следует познакомить ученика. А именно, с огромной, почти безграничной ответственностью, принимаемой на себя учителем для пользы подопечного. Начиная с гуру Востока, которые учат открыто или тайно, до немногочисленных каббалистов западных стран, которые пытаются передать своим ученикам остатки священной науки, — причем эти западные иерофанты часто ничего не знают об опасности, которой они подвергаются, — каждый из них и все эти "учителя" подвержены одному и тому же нерушимому закону. С того момента, когда они

действительно начинают учить, когда они наделяют своих учеников какими-либо силами, — психическими, ментальными или физическими, — они принимают на себя все грехи действия или бездействия этих учеников, в соответствии с оккультной наукой, до тех пор, пока посвящение не сделает ученика Учителем и, в свою очередь, ответственным. Это — непреложный и таинственный закон, в высшей степени уважаемый и соблюдаемый в греческой, полузабытый в римской католической, и полностью исчезнувший в протестантской церкви. Он возникает с первых дней христианства и находит свое основание в только что открытом законе, являясь его символом и выражением. Это догма абсолютной святости отношений между крестными родителями, которые становятся покровителями ребенка.* Они молчаливо принимают на себя все грехи только что крещенного ребенка (помазание, как при посвящении, — воистину тайна!), до того дня, когда он становится ответственным существом, знающим добро и зло. Таким образом, ясно, почему "учителя" являются столь сдержанными, и почему "челам" требуется семь лет испытания для того, чтобы доказать свою пригодность и развить в себе качества, необходимые для безопасности и Учителя, и ученика.

Оккультизм — это не магия. Относительно легко выучить приемы заклинаний и способы использования более тонких, но все же материальных сил физической природы; легко пробуждаются в человеке силы животной души; охотно развиваются силы, приводящие в действие его любовь, ненависть, страсть. Но это черная магия — колдовство. Это мотив, и только мотив, который превращает любое использование силы или в черную, вредоносную, или в белую, полезную магию.

Невозможно использовать духовные силы, если в операторе имеется хотя бы малейший оттенок эгоизма. Ибо, пока намерение не является полностью чистым, духовное будет трансформироваться в психическое, действовать в астральном плане, и может произвести ужасный результат. Силы животной природы одинаково могут использоваться как эгоистичным и мстительным, так и бескорыстным и всепрощающим; силы духа предоставляются лишь совершенно чистому сердцу — и это есть БОЖЕСТВЕННАЯ МАГИЯ.

Каковы же условия, требующиеся от человека, чтобы он мог стать учеником *Divina Sapientia* [Божественной Мудрости]? Да будет известно, что невозможно дать такие инструкции до тех пор, пока не будут выполняться определенные условия в течение нескольких лет учебы. Это *sine qua non* [необходимое условие]. Никто не может поплыть, пока не окажется в глубокой воде. Никакая птица не сможет летать, пока не вырастут ее крылья, и пока она не будет иметь перед собой достаточно пространства и смелости для того, чтобы подняться в воздух. Человек, который будет иметь в руках обоюдоострый меч, должен хорошо владеть тупым оружием, чтобы не поранить себя — или, еще хуже, других — при первой же попытке.

Для того, чтобы дать некоторое представление об условиях, при которых только и может осуществляться надежно — то есть без опасения, что божественное будет заменено черной магией — изучение Божественной Мудрости, ниже приводятся "личные правила", которыми облагается каждый наставник на Востоке. Небольшие отрывки выбраны из большого их количества и поясняются в скобках.

1. Место, выбранное для получения наставлений, должно быть не отвлекающим внимание, и заполнено "влияющими на развитие" (магнетическими) предметами. Среди других вещей там должны быть пять священных цветов, расположенных в виде круга. Это место должно быть свободно от любых вредоносных влияний, исходящих из окружающего пространства.

[Место должно быть вдали от всего и не использоваться ни для каких иных целей. Пять "священных цветов" — это компоненты солнечного спектра, организованные определенным образом, поскольку эти цвета являются в сильной степени магнетическими. Под "вредоносными влияниями" имеются в виду спор, брань, дурные чувства и т. д., поскольку известно, что они немедленно влияют на астральный свет, то есть на атмосферу этого места, и зависают "вокруг в воздухе". Кажется, что это первое условие довольно легко выполнить, однако, при более тщательном рассмотрении видно, что оно одно из самых трудных для выполнения.]

2. Прежде чем ученику будет позволено непосредственно "лицом к лицу" изучать доктрину, он должен пройти предварительное испытание среди других отобранных кандидатов упасака (ученики), количество которых должно быть нечетным.

["Лицом к лицу", в данном случае, означает изучение независимое или отдельное от других, когда ученик получает наставление

непосредственно от себя самого (своего высшего, Божественного Эго), либо от своего гуру. Таким образом, каждый получит свое собственное количество информации в соответствии с тем, как он использовал свое знание. Это может произойти только ближе к концу цикла наставлений.]

3. Прежде чем ты (учитель) сообщишь твоему лану (ученику) добрые (святые) слова Ламрима, или позволишь ему "подготовиться" к дабджеду, ты должен позаботиться о том, чтобы его разум был тщательно очищен и пребывал в мире со всеми, особенно с себе подобными. В противном случае слова Мудрости и благого Закона будут рассеиваться и уноситься ветром.

["Ламрим"— это книга практических наставлений, составленная Цзонхавой; она состоит из двух частей: одна предназначена для церковных и экзотерических целей, а другая — для эзотерического применения. "Подготовиться" для дабджеду, это значит приготовить принадлежности для ясновидения, такие как зеркала и кристаллы. "Подобные себе" — относится к собратьям ученикам. Пока между изучающими не воцарится высочайшая гармония, никакой успех недостижим. Именно учитель производит выбор в соответствии с магнетической и электрической природой учеников, соединяя и тщательно согласовывая все положительные и отрицательные элементы.]

4. Во время обучения, все упасака должны стремиться к тому, чтобы быть едиными, как пальцы одной руки. Ты должен воздействовать

на их разум так, что если что-либо мешает одному, то оно должно мешать и другим. Если радость одного не находит отклика в груди других, то необходимое условие отсутствует, и дальнейшее продолжение бесполезно.

[Это вряд ли бывает часто, если предварительный выбор был сделан лишь в соответствии с магнетическими требованиями. Известно, что челы, обнадеживающие во всех других отношениях и пригодные для восприятия истины, должны ждать года из-за своего темперамента и невозможности чувствовать себя созвучно с другими учениками. Ибо —]

5. Со-ученики должны быть настроены гуру как струны лютни (vīṇa) так, чтобы каждый отличался от других, и в то же время звучал в гармонии со всеми. Все вместе они должны образовывать клавиатуру, откликающуюся во всех своих частях на малейшее прикосновение (прикосновение Учителя). Таким образом, их разумы будут открыты для гармонии Мудрости, колеблющейся в виде знания в каждом и во всех, и приводя к следствиям, радующим богов-наблюдателей (покровителей или ангелов-хранителей) и полезным для лану. Так, Мудрость отныне войдет в их сердца, и гармония закона никогда не будет нарушена.

6. Те, кто хочет приобрести знание, приводящее к сиддхи (окультурным силам), должны отказаться от всякой суеты жизни и от мира (далее следует перечисление сиддхи).

7. Никто не должен чувствовать разницу между самим собой и другими учениками-собратьями, как например "Я самый мудрый", "Я

более свят и приятен учителю, или в моей общине, чем мой брат", и т. п., — и оставаться упасака. Его мысли должны быть прежде всего сосредоточены на сердце, отгоняя от него любую враждебную мысль по отношению к какому-либо живому существу. Оно (сердце) должно быть наполнено чувством своей неотделимости от всех других существ, также как и от всей природы; в противном случае успех не может быть достигнут.

8. Лану (ученик) должен опасаться лишь внешнего жизненного влияния (магнетических эманаций живых существ). По этой причине, будучи единым со всеми, в своей внутренней сущности, он должен заботиться о том, чтобы отделить свое внешнее (наружное) тело от всякого постороннего влияния: никто не должен пить или есть из его чашки, кроме него самого. Он должен избегать телесных контактов (то есть исходящих от него или направленных на него) как с человеческими существами, так и с животными.

[Не разрешается иметь домашних животных, запрещено даже касаться некоторых деревьев и растений. Ученик должен жить, так сказать, в своей собственной атмосфере, чтобы индивидуализировать ее для оккультных целей.]

9. Разум должен оставаться глухим ко всему кроме универсальных истин в природе, чтобы "Доктрина Сердца" не превратилась просто в "Доктрину Глаза" (то есть пустой экзотерический ритуализм).

10. Никакая пища животного происхождения, ничто, что имело в себе жизнь, не должно использоваться учеником. Также нельзя

употреблять вино, алкоголь, опиум и т. п.; ибо они подобны лхамаям (злым духам), которые привязываются к неосторожным людям и уничтожают понимание.

[Вино и спиртные напитки, предположительно, содержат и сохраняют дурной магнетизм всех людей, участвовавших в их изготовлении; а мясо любого животного, предположительно, содержит психические особенности, присущие этому животному.]

11. Медитация, отстранение от всего, соблюдение нравственных обязанностей, кроткие мысли, хорошие поступки и доброжелательные слова, так же, как добрая воля по отношению ко всему и забвение себя самого, — вот наиболее действенные способы достижения знания и подготовки к восприятию высшей мудрости.

12. Только посредством строгого соблюдения этих правил, лану может надеяться на то, чтобы приобрести в свое время сиддхи архатов, развитие которых постепенно сделает его единым с Универсальным ЦЕЛЫМ.

Эти двенадцать отрывков извлечены из семидесяти трех правил, перечислять которые было бы бесполезно, поскольку они не имели бы значения в Европе. Но даже этих немногих достаточно для того, чтобы показать огромное количество трудностей, встающих на пути предполагаемого "упасака", который родился и вырос в западных странах.*

Все западное, и особенно английское, образование проникнуто духом соперничества и борьбы; ребенка побуждают учиться быстрее, чтобы опередить своих товарищей и превзойти их всеми возможными способами. Культивируется то, что ошибочно называют "дружеским состязанием", и этот дух воспитывается и укрепляется во всех жизненных ситуациях.

Как же может западный человек, в которого с самого детства внедрены такие понятия, придти к тому, чтобы чувствовать себя по отношению к другим соученикам как "пальцы одной руки"? Тем более, что эти соученики выбраны не им самим, исходя из его личных симпатий и оценок. Они выбраны его учителем на совершенно иных основаниях, и тот, кто стал бы учеником, должен был бы прежде всего быть достаточно сильным человеком, чтобы вытравить из своего сердца все чувства неприязни и антипатии по отношению к остальным. Многие ли люди Запада готовы даже к тому, чтобы всерьез предпринять такую попытку?

Затем— детали повседневной жизни, например, указание не прикасаться даже к руке самого близкого и дорогого человека. Как это противоречит западным представлениям о привязанности и доброжелательности! Каким холодным и тяжелым кажется это. Многие сказали бы, что слишком эгоистично отказываться от того, чтобы делать людям радость, ради своего собственного развития. Хорошо, пусть те, кто думают таким образом, отложат до другой своей жизни попытку пойти по истинно серьезному пути. Но пусть они не торжествуют в своем вымышленном бескорыстии. Потому что на самом деле они дают ввести себя в заблуждение кажущимся видимостям,

общепринятым понятиям, основанным на эмоциональности и сильных чувствах, или на так называемой вежливости, то есть тому, что не относится к реальной жизни и предписаниям Истины.

Но даже если оставить в стороне эти трудности, которые можно рассматривать как "внешние", хотя их важность тем не менее велика, как ученики с Запада смогут сонастроить самих себя для той гармонии, которая от них требуется? Личность, выросшая в Европе и Америке, столь сильна, что не существует даже никакой художественной школы, члены которой не ненавидели бы и не завидовали бы друг другу. "Профессиональная" ненависть и зависть вошли в пословицу; люди пытаются любой ценой способствовать своему благу, и даже так называемая повседневная вежливость — это всего лишь маска, прикрывающая этих демонов ненависти и зависти.

На Востоке дух "единения" воспитывается постоянно с самого детства, так же как на Западе — дух соперничества. Рост личных амбиций, личных чувств и желаний сверх меры не поощряется. Там, где почва естественным образом удобрена, это культивируется правильным образом, и ребенок вырастает в человека, в котором привычка к подчинению низшего Эго высшему становится доминирующей. На Западе люди полагают, что их собственные пристрастия и неприязни по отношению к другим людям или вещам являются для них руководящими принципами, побуждающими их к действию, даже в том случае, если они не становятся законом их собственной жизни и они стараются совместить их с другими принципами.

Пусть те, кто жалуется, что они мало чему научились в Теософском обществе, примут в свое сердце слова, написанные в

статье, помещенной в последнем февральском номере "Пути": "Ключом к каждой ступени является сам стремящийся". Не "страх перед Богом" является "началом Мудрости", а познание САМОГО СЕБЯ и есть ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ МУДРОСТИ.

Сколь же верным и величественным покажется изучающему оккультизм человеку, который начал осуществлять некоторые из вышеприведенных истин, ответ, даваемый Дельфийским Оракулом всем, пытающимся найти Оккультную Мудрость (слова, повторявшиеся снова и снова мудрым Сократом): ЧЕЛОВЕК, ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ...

ОТВЕТЫ НА НЕКОТОРЫЕ ПИСЬМА* Практический оккультизм

В очень интересной статье в номере журнала за последний месяц, озаглавленной "Практический оккультизм", говорится о том, что с того момента, как "Учитель" начинает обучать "челу", он принимает на себя все грехи челы в соответствии с предписаниями оккультных наук, вплоть до того времени, когда посвящение превращает челу в учителя и, в свою очередь, делает его ответственным.

Для западного ума, погрязшего в течение многих поколений в Индивидуализме, очень трудно признать справедливость и, следовательно, истинность этого заявления, и очень желательно, чтобы были даны некоторые дополнительные разъяснения относительно этого факта, который, возможно, интуитивно ощущается немногими людьми, но которому они совершенно неспособны дать какое-либо

логическое объяснение.

— С. Е.

ОТВЕТ РЕДАКЦИИ. Лучшим логическим объяснением этого является тот факт, что даже в повседневной жизни родители, няни, учителя и наставники несут ответственность за привычки и будущую нравственность ребенка. Маленький несчастный негодник, обученный родителями чистить карманы на улице, не ответственен за свой грех, но результаты этого целиком ложатся на тех, кто внушил ему, что надо поступать таким образом. Будем надеяться, что западный разум, хотя и "погрязший в индивидуализме", не стал столь глупым, чтобы не понимать, что если бы положение вещей было иным, в этом не было бы ни логики, ни справедливости. И если те кто формируют податливый разум еще несознательного ребенка должны нести ответственность, в этом мире следствий, за грехи его деяний и недеяний в течение всего его детства и за последствия их обучения в дальнейшей жизни, в сколь же большей степени это касается "Духовного гуру"? Последний берет ученика за руку, ведет его, и приводит в мир, совершенно незнакомый. Ибо этот мир — невидимой, но всегда присутствующей в скрытом виде ПРИЧИННОСТИ, тонкой, но никогда не рвущейся нити, являющейся действием, проводником и силой кармы, и самой кармой в пространстве божественного разума. Никакой адепт, однажды познавший его, не сможет больше защищать невежество ни при каких обстоятельствах, хороших или дурных мотивов его, производящих в результате зло; с тех пор, как он познакомился с этим таинственным царством, оккультист приобретает средства предвидеть два пути,

открытые перед любым обдуманым или необдуманым действием, и это позволяет ему с определенностью знать, каков будет результат в том или другом случае. Поскольку ученик действует исходя из этого принципа, но слишком мало знает для того, чтобы быть уверенным в своем видении и способности к различению, не является ли естественным, что существует гид, который должен быть ответственен за грехи того, кого он ведет в столь опасные области?

Есть ли надежда?

После прочтения условий, необходимых для изучения оккультизма, напечатанных в апрельском номере "Люцифера", я полагаю, что этого достаточно для того, чтобы читатели этого журнала оставили надежду стать оккультистами. Я думаю, что в Великобритании, за исключением монастырей, вряд ли где-нибудь могут быть достигнуты когда-либо такие условия. В моем будущем положении медика (если боги будут столь милостивы), восьмое условие будет совершенно невыполнимым; это наиболее неудачно, так как мне кажется, что изучение оккультизма является особенно существенным для успешной практики в профессии медика.*

Я должен задать вам следующий вопрос, и я был бы благодарен получить ответ на него через медиума "Люцифера". Возможно ли изучать оккультизм в Великобритании?

Прежде чем закончить, я чувствую необходимость проинформировать вас, что я восхищаюсь вашим журналом как научным изданием, и что я

ставлю его наряду "Подражанием Христу" среди моих книг по религии.

Давид Кричтон, Мэришальский колледж, Абердин.

ОТВЕТ РЕДАКЦИИ. Это слишком пессимистичный взгляд, чтобы его принять. Кто-то может с пользой изучать оккультные науки, не пытаясь проникнуть в высший оккультизм. Особенно в случае с нашим корреспондентом, и в его будущем качестве медика, "оккультное знание простейших организмов и минералов, и целебных сил некоторых вещей в природе", — намного более важно, чем метафизический или психологический оккультизм или теофания. И это он может делать лучше, если будет изучать и пытаться понять Парацельса и обоих Ван Гельмонтов, чем усваивать Патанджали или методы раджа-йоги Тараки.

Возможно изучать "оккультизм" (правильнее сказать — оккультные науки и искусства) в Великобритании, как и в любой другой точке земного шара; хотя по причине исключительно враждебных условий, создаваемых благодаря сильному эгоизму, преобладающему в этой стране, и магнетизму, который препятствует свободному проявлению Духовности, — одиночество является лучшим условием для учения.

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОККУЛЬТИЗМ Приложение: Вопросы и ответы о йога-видья

Председатель мадрасского отделения задает нам несколько вопросов по поводу оккультной науки. Подобные сведения интересуют очень многих, и потому, отвечая в этой статье на его вопросы, мы

думаем удовлетворить интересы многих.

Вопрос.— Беретесь ли Вы, или полковник Олькотт за обучение этой замечательной видьи кого-нибудь из стремящихся к таким знаниям?

Ответ.— Нет, мы отсылаем корреспондента к нашему январскому выпуску, где мы останавливались на этом вопросе.

В.—Что Вы предпочитаете— давать доказательства существования оккультных сил в человеке тем, кто настроен скептически, или же тем, кто желает укрепить свою веру?

О.—Мы "предпочитаем", чтобы каждый нуждающийся в таких доказательствах имел их, но если учесть количество живущих на земле, то такой подход нереален. С самых незапамятных времен и до наших дней те, кто серьезно искали такие доказательства — находили их. Мы тоже нашли их в Индии. Но мы не щадили ни времени, ни сил в своих путешествиях по всему миру.

В.—Можете ли Вы дать такие доказательства человеку вроде меня, живущему на таком большом расстоянии от Вас, или же я должен прибыть в Бомбей?

О.—Ответ был выше. Мы не стали бы браться за подобное, если бы даже могли, ибо в таком случае нам пришлось бы забросить все свои дела и развлекать любопытствующих. Это занятие не для нас.

В.—Может ли женатый человек достигнуть видьи? О.—Нет. Вы знаете неизменное правило, что для подобного обучения мальчик находится рядом со своим гуру в течение всего своего юношества. Он остается с ним пока ему не исполнится 25-30 лет, потом 15-20 лет он живет женатым и в заключении своего духовного обучения удаляется в лес. Употребление алкоголя,

говядины, некоторых других сортов мяса, некоторых овощей, так же как и супружеские отношения препятствуют духовному развитию.

В.—Открывает ли Бог себя йогам озарениями? О.—Каждый человек имеет свое собственное понимание "Бога".

Насколько мы знаем, йоги открывают своего бога в своем собственном Я, в своей атме. Когда они достигают такого осознания, они, объединяя себя со Вселенским Божественным Принципом — Парабрахманом достигают озарения. Что же касается личного бога — бога, который думает, замышляет интриги, карает, милует, награждает — то мы такого бога не знаем. И ни один йог не знает такого бога, если, конечно же, не принимать во внимание нелепые утверждения миссионеров после лекции Олькотта в Лахоре, будто бы Моисей, убивший людей в Египте, и прелюбодействующий убийца, Давид, были йогами!

В.—Если адепт может сделать все, что он захочет, как сказал в своей лекции в Симле Олькотт, может ли он сделать меня, мечтающего и жаждущего видьи, таким же полным адептом, как и сам он?

О.—Полковник Олькотт не адепт и никогда так о себе не говорил. Неужели наши друзья думают, что кто-либо, когда-либо стал адептом не сделав себя им, не пройдя через все препятствия и упадки духа и силы воли. Путь адепта в таком понимании — это просто фарс. "Адептом нельзя сделать, адептом можно только стать", — таков древний девиз.

В.—Как так получается, что при наличии таких ясных доказательств, большинство людей все еще остаются скептиками?

О.—Основная масса таких людей — христиане. И хотя Иисус объявил,

что каждый, уверовавший в Него, может получить силы для свершения всех чудес (см. Марк XVI, 17, 18), какими обладают и индийские йоги, христианство тщетно ожидает увидеть их вот уже девятнадцать столетий. И теперь, разуверившись в существовании этих сиддх, они должны прийти в Индию за доказательствами, если они действительно будут так заинтересованы в них.

В.—Почему полковник Олькотт отмечает 1848 год как год начала оккультизма?

О.—Наш друг мог бы быть более внимателен и не ставить нас перед необходимостью отвечать на бессмысленные вопросы. Полковник Олькотт сказал про 1848 год, что в этом году оформился современный спиритуализм.

В.—Есть ли в Индии такие медиумы как Вильям Эдди, в присутствии которого можно видеть материализованные формы?

О.—Мы не знаем точно, но думаем, что да. Мы слышали, что в Калькутте умершая девочка навещает дом своих родителей и разговаривает со своей матерью. Медиумизм может легко развиваться в любом месте, но мы думаем, что это небезопасно, и потому уклонимся от приведения каких-либо инструкций по его развитию. Те, кто думает иначе, могут найти то, что они хотят у множества лондонских спиритуалистов, в "Медиум и Рассвет", американском "The Banner of Light" или в любом другом печатном органе спиритов.

В.—Как эти медиумы получили свои возможности— обучением или же при каком-то несчастном случае, изменившем их организм?

О.—В основном медиумами рождаются; их организм имеет особенное психофизическое строение. Но большинство из известных в наше время

медиумов развили в себе свои способности различными упражнениями. Много кто имеет медиумические особенности в скрытом состоянии, которые могут быть развиты при правильном подходе. То же самое можно сказать и об адептах. У всех нас адепство находится в зародыше, но одним несравненно легче разбудить эти силы, чем другим.

В.—Полковник Олькотт отвергает идею посредства духа для объяснения получаемых явлений, а мне доводилось читать, что некоторые ученые посылают духов посетить другие планеты и рассказать им, что они там видели.

О.—Возможно, ссылка сделана на профессора Вильяма Дантона, американского геолога, автора интересной работы "Душа вещей". Свое исследование он производил с помощью психически чувствительного человека — своей жены, очень интеллигентной леди, хотя и скептически относящейся к подобным идеям. Наш корреспондент мог читать эту книгу.

В.— Что происходит с "отлетевшим" духом? О.—Существует только один "дух"— Парабрахман, или Вечный Принцип, как предпочитают называть его некоторые другие. "Душа" умершего, покинув земное тело, проходит через множество иных состояний существования, точно так же, как она проходила различные стадии перед рождением. Всю истину об этой тайне знают лишь высшие адепты; но даже низшие неофиты могут сказать, что каждый из нас контролирует свое будущее воплощение, улучшая или ухудшая его своими поступками и помыслами в настоящем.

В.— Необходим ли для йога аскетизм? О.—Йога действительно

требует определенных условий, о которых можно прочитать в нашем декабрьском номере. Одно из этих условий — уединение йога в таком месте, где йог не соприкасается как с физическими, так и с моральными нечистотами. Короче, он должен уйти от аморальной атмосферы мира. Если кто-либо вследствие такого обучения приобретет некоторые силы, он уже не может надолго оставаться в мире без утраты большей — и притом самой лучшей — части его возможностей. Потому, если такой человек в течение нескольких лет живет и трудится среди людей, не ища ни славы, ни денег, то можно без преувеличения сказать, что он жертвует собой во благо своих собратьев. В один день людям кажется, что такой человек умер, и они отделиваются от мнимых останков; но он не может умирать. "Очевидность обманчива", — говорит пословица*.

ОККУЛЬТИЗМ ПРОТИВ ОККУЛЬТНЫХ ИСКУССТВ

Я часто слышал, но не верил доле,— Есть люди, что
способны колдовством Природу подчинить своей недоброй
воле.

Мильтон

Письма, приходящие ко мне, свидетельствуют о сильном впечатлении, которое произвела на некоторые умы публикация статьи "Практический оккультизм". Такие письма еще лучше доказывают и усиливают следующие два логических вывода.

(а) Имеется больше широкообразованных и мыслящих людей, которые верят в существование оккультизма и магии (причем, они значительно отличаются друг от друга), чем это воображают современные материалисты; и —

(б) Большинство верящих (включая многих теософов) не имеют определенной идеи о природе оккультизма и смешивают его с оккультными науками в целом, включая сюда и "черную магию".

Их представления о силах, приобретаемых людьми, и о средствах, используемых для их получения, видоизменяются в зависимости от их фантазий. Некоторые воображают, что мастер искусства, показывающий путь, — это все необходимое для того, чтобы стать Занони. Другие полагают, что лишь переправившись через Суэцкий канал и добравшись до Индии они расцветут в дальнейшем подобно Роджеру Бэкону и даже графу Сен-Жермену. Идеалом некоторых является Маргрейв с его вечной молодостью и малой заботой о душе, как о цене, заплаченной за это. Немало и таких, кто путает примитивное "аэндорское волшебство" с оккультизмом, и кто "через разверзнутую землю из Стигийской тьмы вызывает на свет худых духов", и хочет, чтобы его рассматривали в связи с этим как полностью развитого адепта. "Церемониальная магия", в соответствии с правилами, насмешливо опровергнутыми Элифасом Леви, представляется иными alter ego философии архатов древности. Коротко говоря, тот спектр, через который проявляется оккультизм для этих младенцев философии, столь многоцветен и разнообразен, сколь может его сделать таковым людская фантазия.

Почувствуют ли эти претенденты на Мудрость и Силу негодование, если сказать им откровенную правду? Это не только полезно, но это

стало сейчас совершенно необходимо, чтобы вывести из заблуждения многих из них до того, как будет слишком поздно. Эта истина может быть выражена в нескольких словах: "Среди сотен горячих поклонников, называющих себя "оккультистами" на Западе, нет и полудюжины тех, кто имеет даже приблизительно правильное представление об идее природы науки, которой они хотят овладеть. За немногими исключениями, все они идут по проторенной дороге колдовства. Пусть они восстановят какой-нибудь порядок в своих умах, прежде чем они станут протестовать против этого утверждения. Пусть они сначала поймут истинное положение, в котором находятся оккультные науки по отношению к оккультизму, и различие между ними, и тогда проявляют свой гнев, если все еще будут считать себя правыми. Тем не менее, пусть они узнают, что оккультизм отличается от магии и других тайных наук так же, как сияющее солнце — от тусклого света свечи, как неизменный и вечный дух человека — отражение абсолютного, необусловленного и непознаваемого ЕДИНОГО — отличается от смертной плоти — человеческого тела.

В нашем высоко-цивилизованном западном мире, где были сформированы современные языки и созданы слова, вслед за идеями и мыслями — как это случалось с каждым языком — чем больше последние материализовывались в холодной атмосфере Западного эгоизма и его непрерывной гонки за благами для этого мира, тем меньше чувствовалась потребность в создании новых терминов, выражающих то, что молчаливо рассматривалось как абсолютные и упраздненные уже "суеверия". Эти слова могли бы относиться к тем идеям, которые культурный человек едва ли мог бы представить в своем уме.

"Магия" — синоним обмана, фокусничества; "колдовство" — эквивалент полнейшего невежества; и "оккультизм", несчастный остаток слабоумных средневековых пламенных философов, Якоба Бёме и Сен Мартена, — все это выражения, которых более чем достаточно для того, чтобы полностью описать область "мошенничества и обмана". Они выражают презрительное отношение, и используются обычно как намек на отбросы и дурное наследство темных веков и предшествовавших им периодов язычества. Поэтому мы не имеем в английском языке терминов, которые определяют или выявляют разницу между такими сверхнормальными силами, или науками, которые приводят к их приобретению, с той точностью, какая возможна в восточных языках — прежде всего в санскрите. Что вызывают слова "чудо" и "волшебство" (слова, идентичные в целом по смыслу, так как оба они выражают идею создания чудесного посредством нарушения законов природы(!), как это трактуется признанными авторитетами) в умах людей, которые слышат или произносят их? Христиане — отвергающие "законы природы", и несмотря на это — твердо верящие в чудеса, потому что это, как говорят, было дано Богом через Моисея, — отрицают ли они волшебство, совершенное магами фараонов, или приписывают его дьяволу. Этому последнего наши набожные противники связывают с оккультизмом, в то время как их нечестивые враги, атеисты, смеются над Моисеем, магами и оккультистами, и покраснели бы от стыда, высказав хотя бы одну серьезную мысль о таких "предрасудках". Так происходит потому что нет термина, показывающего различие; нет слов, чтобы выразить темное и светлое и провести линию разделения между великим и истинным, абсурдным и смехотворным. Одни являются

теологическими интерпретациями, которые учат "нарушению законов природы" людьми, Богом, или дьяволом; другие — научным "чудом" и волшебством Моисея и магов, соответствующим природным законам, те и другие были обучены всей Священной Мудрости, которой располагают современные "Королевские общества" — и предназначенной для узкого круга посвященных истинного ОККУЛЬТИЗМА. Это последнее слово, конечно, вводит в заблуждение, переведенное как производное от сложного слова гупта-видья, "тайное знание". Но знание чего? Некоторые из санскритских терминов могут помочь нам здесь.

Для различных видов эзотерического знания или учений, даже в экзотерических Пуранах, имеется (среди многих иных) четыре названия. Это: 1) яджна-видья,* знание оккультных сил, пробуждающихся в природе благодаря совершению определенных религиозных церемоний и ритуалов; 2) маха-видья, "великое знание", магия каббалистов и тантрических культов, и часто — колдовство наихудшего рода; 3) гухья-видья, знание мистических сил, содержащихся в звуке (эфире), то есть мантрах (монотонно распеваемых молитвах или заклинаниях), и зависящих от используемого ритма и мелодии; другими словами, магическое действие, основанное на знании сил природы и их взаимоотношений; и 4) АТМА-ВИДЬЯ, термин, который переводится просто как "духовное знание", истинная Мудрость у ориенталистов, но значащий много большее.

Последнее является единственным видом оккультизма, к которому следует стремиться каждому теософу, кто вдохновлен "Светом на Пути", и хочет быть мудрым и бескорыстным. Все остальное — это некое ответвление от "оккультных наук", то есть, искусств,

основанных на знании конечной сущности всех вещей в царстве природы — таких как минералы, растения и животные — следовательно, вещей, относящихся к сфере материальной природы, какой бы невидимой ни была их сущность, и сколь сильно ни ускользала бы она до сих пор от понимания нашей науки. Алхимия, астрология, оккультная физиология, хиромантия, существуют в природе, и точные науки — которые называются таким образом, вероятно, потому что они находятся в этом веке парадоксальных философий, переворачивающих все с ног на голову — открыли немалое количество тайн вышеназванных искусств. Но ясновидение, символизируемое в Индии "глазом Шивы", называемое в Японии "безграничным видением", — это не гипнотизм, незаконный сын месмеризма, и оно не может быть получено с помощью таких искусств. Все же остальные могут быть обретены и дать результаты, хорошие, плохие или нейтральные; но атма-видья отмечает их небольшую ценность. Она включает их всех и даже может случайно использовать их, но лишь после их очищения от нечистот, преследуя благие цели и заботясь о лишении их каких-либо эгоистических мотивов. Поясним это: любой мужчина или любая женщина могут самостоятельно изучать одно или все вышеназванные "оккультные искусства" без какой-либо серьезной предварительной подготовки, или даже без приспособления к чрезмерным ограничениям своего образа жизни. Кто-то может обойтись даже без достаточно высокого нравственного стандарта. Конечно, в последнем случае можно дать десять против одного, что ученик превратится в худший сорт колдуна, безудержно кинувшегося в черную магию. Но на что она способна? Вуду и дугпы едят, пьют и веселятся на гекатомбах жертв своих

инфернальных искусств. То же самое делают любезные джентльмены-вивисекционисты и дипломированные "гипнотизеры" медицинских факультетов; единственная разница между ними — в том, что вуду и дугпы являются сознательными колдунами, тогда как команда Шарко-Рише — бессознательными. Таким образом, с тех пор как и те и другие пожинают плоды своих трудов и достижений в черном искусстве, западные практики заслуживают порицание, а не славу, с ее выгодами и удовольствиями добытую таким путем. Ибо, скажем мы еще раз, гипнотизм и вивисекция, практикуемые в таких школах, — это чистое колдовство, но лишенное того знания, которым наслаждаются вуду и дугпы и которое не могут добыть для себя никакие Шарко-Рише, хотя бы ценой пятидесятилетнего тяжелого труда и экспериментальных исследований. И пусть те, кто будет упражняться в магии, понимают ли они ее природу или нет, кто считает, что правила, предъявляемые к изучающим, слишком суровы, и кто поэтому отбрасывает атма-видья или оккультизм, — пусть они останутся при своем. Пусть они всеми способами становятся магами, даже если они действительно станут вуду и дугпами в течение десяти следующих перерождений.

Однако интерес наших читателей, вероятно, будет обращен к тем, кто безусловно был привлечен "оккультизмом", но не осознал истинную природу своих устремлений и не приобрел устойчивости против различных страстей, недооценив истинное бескорыстие.

Нас будут спрашивать, как же обстоит дело с этими несчастными, которых разрывают надвое противоборствующие силы? Но это объяснялось уже столь часто, что не нуждается в повторении, к тому же сам этот факт открыт для наблюдения любым человеком; когда

стремление к оккультизму действительно пробудилось в сердце человека, тогда для него не остается надежды на мир, спокойный отдых и удобства во всем этом мире. Он отправляется в дикие и безлюдные области жизни благодаря вечно подтачивающему его беспокойству, которое он не может преодолеть. Его сердце слишком наполнено страстями и эгоистическими желаниями, чтобы позволить ему пройти через Золотые Ворота; он не может найти покоя или мира в обыденной жизни. Должен ли он неизбежно впасть в колдовство и черную магию, и в течение многих перерождений накопить себе ужасную карму? Нет ли для него иного пути?

Конечно же есть, отвечаем мы. Пусть он не стремится к чему-либо более высокому, чем то, что, как он чувствует, он способен совершить. Пусть не берет он себе ношу слишком тяжелую, чтобы он смог ее нести. Не становясь "махатмой", буддой или великим святым, пусть изучает он философию и "духовную науку", и он сможет стать одним из величайших благодетелей человечества, не обладая какими-либо сверхчеловеческими силами. Сиддхи (или силы архатов) существуют лишь для тех, кто способен вести "тяжелую жизнь", приносить ужасные жертвы, которые требуются для такого обучения, и повиноваться бесприкословно. Пусть они однажды узнают и всегда помнят, что истинный оккультизм или теософия — это "Великое Самоотречение от СЕБЯ САМОГО", безусловное и абсолютное, в мыслях так же, как и в действиях. Это АЛЬТРУИЗМ, и он выводит практикующего за пределы каких-либо категорий и рангов среди всех живых существ. "Он живет не для себя, но для мира", как только он принял на себя этот труд. Многое прощается в течении первых лет

испытания. Но он будет "принят" не раньше, чем его индивидуальность исчезнет, и он должен будет стать целиком благоговорной силой в Природе. После этого для него существуют два полюса, два пути, и нет места для отдыха между ними. Он должен либо утомительно подниматься, шаг за шагом, часто через многочисленные перерождения, не надеясь на деваханический прорыв, золотую лестницу, ведущую к состоянию махатмы (архата или бодхисаттвы), либо — он упадет с этой лестницы на первой же ложной ступеньке и скатится до состояния Дугпы....

Все это либо неизвестно, либо всецело ускользает от взгляда. Поистине, тот, кто способен следовать за молчаливой эволюцией предварительных устремлений кандидатов, часто находит весьма странными идеи спокойного овладения способностями своего разума. Существуют такие люди, чьи мыслительные силы столь искажены внешними воздействиями, что они воображают, что плотские страсти могут быть столь очищенными и возвышенными, что их ярость, сила и огонь могут быть, так сказать, направлены вовнутрь; что они могут быть запасены и сохранены в груди человека до тех пор, пока их энергия не будет распространяться вовне, но она будет направлена в сторону высших и самых святых целей: а именно, пока их коллективная и нераспространяющаяся сила не предоставит ее обладателям возможность войти в истинное святилище души и оставаться там в присутствии Учителя — ВЫСШЕЙ СУЩНОСТИ! Ради этой цели они не борются со своими страстями, ни уничтожают их. Он, просто, большим усилием воли притушит сильные языки пламени и будет держать их под контролем внутри себя, позволяя огню тлеть под тонким слоем золы.

Они с радостью принимают мучения спартанского мальчика, который предпочел позволить лисе терзать его внутренности, чем расстаться с ней. Бедные слепые визионеры!

Кроме того, надежда на то, что банда пьяных трубочистов, горячих и грязных от своей работы, может быть заперта в святилище, где висят чистые белые полотна, и вместо того, чтобы испачкать их и превратить своим присутствием в кучу грязных лохмотьев, они стали бы хозяевами в этом священном месте и в конце концов появились бы оттуда столь же незапятнанными, как само это место. Почему бы не вообразить, что дюжина скунсов, помещенных в чистую атмосферу Цзонг-па (монастыря), может выйти оттуда благоухая ладаном?.. Странное искажение человеческого разума. Может ли быть такое? Вряд ли.

"Учитель" в святилище наших душ— "Высшая Сущность"— это божественный дух, сознание которого основано (во всяком случае, в течение жизни человека, в котором он заключен) исключительно на разуме, который мы согласились называть человеческой душой ("духовная душа" является оболочкой духа). В свою очередь первая (личная, или человеческая душа) — это высшая форма объединения духовных устремлений, желаний и божественной любви, а в своем низшем аспекте — плотских желаний и земных страстей, приданных ей посредством связей с оболочкой, их всех вмещающей. Таким образом, она является звеном и посредником между плотской природой человека, которую ее высший разум пытается подчинить себе, и его божественной духовной природой, к которой она притягивается всякий раз, когда она получает покровительство свыше в своей борьбе с внутренним

животным. Последнее — это инстинктивная "плотская душа", являющаяся очагом тех страстей, которых, как только что показано, баюкают вместо того чтобы убивать, и которых запирают в своей груди неосторожные энтузиасты. Неужели они надеются превратить таким образом мутный поток животной сточной канавы в кристально чистые воды жизни? И где, на какой нейтральной территории можно заключить их в тюрьму, чтобы они не влияли на человека? Неистовые страсти любви и похоти все еще живы, и им все еще позволяют оставаться на месте их зарождения — в той самой животной душе; ибо высшая и низшая части "человеческой души", или разума, отказываются от таких жильцов, хотя они и не могут избежать загрязнения ими из-за их соседства. "Высшая Сущность", или дух, не может усвоить такие чувства, так же как вода не смешивается с маслом или неочищенным жидким жиром. Именно разум, единственное звено и посредник между земным человеком и высшей Сущностью, является единственно страдающим; он находится в постоянной опасности того, что он будет увлечен вниз этими страстями, которые могут пробудиться в любой момент, и погибнет в бездне материи. И как же он может настроить себя на божественную гармонию высшего Принципа, если эта гармония разрушается самим фактом наличия таких плотских страстей внутри святилища? Как может гармония торжествовать и побеждать, если душа увлечена шумом страстей и земными желаниями телесных чувств, или даже "астрального человека"?

Ибо этот "астральный" — теневой "двойник" (как у животных, так и у человека) — это спутник не божественного Эго, а земного тела. Это связь между личным ЭГО, низшим сознанием манаса и телом, и является

оболочкой временной, ограниченной жизни. Подобно тени, отбрасываемой человеком, он рабски следует за его движениями и импульсами, и склоняется к материи, никогда не поднимаясь к духу. Лишь тогда, когда совершенно умирает сила страстей, когда они уничтожаются в реторте непреклонной воли; когда становятся мертвыми не только все плотские желания и страсти, но убивается и осознание личного Эго, и "астральное" вследствие этого уменьшается до нуля, — тогда может иметь место союз с "Высшим Эго". Тогда же, когда "Астрал" отражает только победившего человека, еще живого, но не имеющего больше подверженной страстям эгоистичной личности, тогда сверкающий Аугоейдос, божественное ЭГО, может колебаться в сознательной гармонии с обоими полюсами человеческой Сущности — очищенным материальным человеком и вечно чистой духовной душой — и находиться в присутствии УЧИТЕЛЯ-ЭГО, мистического Христа гностиков, смешанное, сплавленное, и отныне единое с Ним.*

Как же это возможно для человека войти в "открытые ворота" оккультизма, если его повседневные и ежечасные мысли связаны с мирскими вещами, желаниями обладания и силы, похотью, амбициями и обязанностями, которые, даже если и достойны уважения, все же самые что ни на есть житейские? Даже любовь к жене и семье — самое чистое, поскольку самое бескорыстное из человеческих влечений — является преградой для истинного оккультизма. Ибо, возьмем ли мы в качестве примера святую любовь матери к своему ребенку, или мужа к своей жене, — даже в этих чувствах, если их проанализировать до самых истоков, то в первом случае налицо будет все-таки себялюбие, а во втором — обоюдный эгоизм. Какая мать не принесла бы в жертву

без минутного колебания сотни тысяч жизней за жизнь своего ребенка?
и какой любящий человек или верный муж не разрушил бы счастье
всякого другого мужчины или женщины около себя, чтобы удовлетворить
желание той, которую он любит? Это вполне естественно, скажут нам.
Это так, с точки зрения человеческих чувств; но это в гораздо
меньшей степени верно с точки зрения божественной универсальной
любви. Ибо, когда сердце полно мыслей, касающихся небольшой группы
личностей, близких и дорогих нам, то как же в нашей душе поместится
остальная часть человечества? Какой процент любви и заботы
останется для "великой сироты"? Как может быть услышан "все еще
тихий голос" в душе, полностью занятой своими привилегированными
жильцами? Какое же пространство останется для нужд человечества en
bloc [в целом], чтобы они отразились в ней и получили скорый ответ?
И все же тот, кто хотел бы воспользоваться мудростью универсального
разума, должен достичь этого с помощью целостного человечества, без
различий расы, темперамента, религии или социального положения.
Именно альтруизм, а не эго-изм, даже в его наиболее законном и
благородном проявлении, может привести одного человека к тому,
чтобы слить свое маленькое Эго с Универсальными Сущностями. Именно
этим потребностям и этой работе должен посвятить себя верный ученик
истинного оккультизма, если он хочет приобрести тео-софию, то есть
божественную Мудрость и Знание.

Претендент должен произвести безусловный выбор между мирской
жизнью и жизнью по оккультизму. Бесполезно пытаться объединить то и
другое, ибо никто не может одновременно служить двум хозяевам и при
этом угодить обоим. Никто не может служить своему телу и высшей

душе, выполнять свои семейные обязанности и свой вселенский долг, не лишая своих прав либо одного, либо другого; ибо он или будет склонять свое ухо к этому "все еще тихому голосу" и не сможет слышать крики своих малышей, или же он будет прислушиваться лишь к желаниям последних и останется глух к голосу человечества. Это была бы постоянная, непрекращающаяся, безумная борьба почти за каждого женатого человека, который следовал бы истинному практическому оккультизму, а не его теоретической философии. Ибо он обнаружил бы, что постоянно колеблется между голосом безличной божественной любви к человечеству, и голосом личной, земной любви. И это могло бы привести его только к неудаче в том или другом, а, возможно, и в обоих случаях. И даже хуже, ибо тот, кто предается удовольствиям земной любви или похоти после того, как он посвятил себя ОККУЛЬТИЗМУ, должен будет вскоре почувствовать, каков результат этого: он будет непреодолимо выброшен из безличного божественного состояния в низший материальный план. Чувственное, или даже ментальное самонаслаждение, включает немедленную утрату сил духовной проницательности; голос Учителя не сможет больше отличаться от голоса его страстей или даже страстей дугпы; истинное — от ложного, здоровая нравственность — от простой казуистики. Плод Мертвого моря принимает чудесный мистический вид, но превращается в золу на губах и в беспокойство сердца, приводя к тому, что:

Разверзлась бездна, и непроглядная сгустилась тьма; Безумие сменило здравый ум, вина— невинность; Страдание— восторг;

надежда превратилась в безысходность.

Однажды ошибившись, большинство людей уклоняются от осознания своей ошибки, тем самым все больше и больше погружаясь в болото. И, хотя бы первичное намерение зиждилось на осуществлении белой, а не черной магии, однако результаты даже произвольного, неосознанного колдовства не могут не произвести плохой кармы. Достаточно уже было сказано, чтобы стало ясно, что колдовство — это любой вид злого влияния, оказываемого на других людей, которые страдают, или заставляют страдать других. Карма — это тяжелый камень, брошенный в спокойные воды Жизни; он должен вызвать все расширяющиеся круги ряби, расходящиеся все дальше и дальше, почти *ad infinitum* [до бесконечности]. Такие причины должны вызвать следствия, и они с полной очевидностью обнаруживаются в справедливом законе возмездия.

Многого из этого можно избежать, если люди будут воздерживаться от того, чтобы бросаться в деятельность, природу и смысл которой они не понимают. Никто не надеется, что он сможет нести груз свыше своих сил. Существуют "прирожденные маги", мистики и оккультисты с момента рождения и по праву прямого наследования этой способности, связанной с серией перевоплощений и эонов страданий и неудач. Они, можно сказать, являются "устойчивыми" против страстей. Никакие искры земного происхождения не могут раздуть пламя в их чувствах и желаниях; никакой человеческий голос не найдет ответа в их душах, за исключением великого крика человечества. Только им может быть гарантирован успех. Но таких людей можно встретить повсюду, и они проходят через узкие ворота оккультизма, поскольку не несут с собой

личного багажа человеческих преходящих чувств. Они избавлены от чувства низшей личности и "астрального" животного существа, и перед ними открыты золотые, хотя и узкие ворота. Но не так обстоит дело с теми, кто должен нести в течение еще нескольких перевоплощений груз грехов, совершенных в прошлых жизнях, и в их теперешнем существовании. Ибо для таких людей, хотя бы они и действовали с большим тщанием, золотые ворота Мудрости могут превратиться в широкие ворота и широкий путь, "который ведет к разрушению", и "много будет тех, кто войдут в них". Это ворота оккультных искусств, практикуемых по эгоистическим мотивам и в отсутствии ограничивающего и благотворного влияния АТМА-ВИДЬИ. Мы находимся в Кали-юге, и ее фатальное влияние на Западе в тысячу раз сильнее, чем на Востоке; отсюда легкая добыча, достигаемая Силами Века Тьмы в этой циклической борьбе, и множество иллюзий, над которыми в наше время бьется мир. Одной из них является относительная легкость, с которой, как кажется людям, они могут войти в "Ворота" и преодолеть порог оккультизма без какой-либо великой жертвы. Это мечта большинства теософов, внушенная желанием достичь Силы и личного благополучия; но не эти чувства могут когда-либо привести их к желанной цели. Ибо, как хорошо было сказано уверовавшим в то, что надо принести в себя в жертву за человечество, — "узкие ворота и прям путь, который ведет к жизни" вечной; поэтому "мало будет тех, которые найдут его". Действительно, он столь прям, что при одном лишь упоминании некоторых трудностей, испуганные западные кандидаты поворачивают назад и ретируются с содроганием...

Пусть они остановятся здесь и не делают больше попыток по

причине своей большой слабости. Ибо, если повернувшись спиной к узким воротам, их привлечет стремление к оккультному к более широким и гостеприимным Воротам той золотой тайны, которая мерцает в свете иллюзии, — горе им! Это приведет лишь к состоянию дугпы, и можно быть уверенным, что очень скоро они обнаружат себя на той Via Fatale [фатальной дороге] в Ад, над воротами которого Данте прочитал слова:

Per me si va nella citta dolente Per me si va nell'eterno
dolore Per me si va tra la perduta gente...*

"Люцифер", май 1888 г.

/Salpe'tri`ere, The'osophique/

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОГРЕСС В ТЕОСОФИИ

Что бы ни думали о теософии и теософском движении, время показало по меньшей мере то, что они не являются эфемерными, как это казалось вначале американской и зарубежной прессе. Теософия заняла, по-видимому, некое постоянное место в современной мысли, подтверждая таким образом справедливое наблюдение, сделанное сэром Джоном Гершелем, который сказал, что "великое, и на самом деле единственное свойство истины — это ее способность выдержать

проверку на универсальность и выйти неизменной из любой возможной честной дискуссии".

К сожалению, теософия до сих пор никогда не имела шанса на такую дискуссию; но это должно случиться. Она представлялась в наиболее гротескном свете, полностью искажающем ее вид. За немногими исключениями, даже ее друзья обнаружили в своих публикациях, весьма несовершенное понимание вопроса. Если бы ее достоинства обсуждались отдельно от личностей, с которыми связано движение, то без сомнения она имела бы сейчас гораздо большую популярность, чем имеет. Множество признаков указывает на это. Наиболее энергичные попытки теологических и ученых фанатиков, использование ими насмешек, сарказма, искажений и опровержений, не смогли предотвратить рост Теософского общества и его влияния, и воспрепятствовать распространению теософских идей во всем мире. Вряд ли даже самые большие оптимисты среди организаторов нашего общества могли мечтать о таком успехе, которым были вознаграждены их труды. Маленький кружок мыслящих мужчин и женщин, встретившихся в гостиной на Ирвинг-плейс летним вечером 1775 года, создали нечто лучшее, чем они предполагали (со своим неразвитым предвидением), когда принимали решение создать такую ассоциацию.

Нас часто спрашивают: "Какова общая цель Теософского общества? Cui bono (кому на пользу) весь этот труд, вся эта энергия, тратившаяся с самого начала на то, чтобы плыть против сильного течения общественных предрассудков, сектантской ненависти и непопулярности? Каждая из хорошо известных целей общества* не только имела, но и имеет своих учителей и последователей в прошлом

и настоящем. Ваша первая цель, а именно братство людей, лежит в самой сути христианства; ваша вторая цель поддерживается азиатскими обществами, музеями и всеми ориенталистами; что касается вашей третьей цели, то лучше бы она оставалась в руках людей науки, которые уже проанализировали критически спиритуализм и подорвали месмеризм, а теперь — под руководством Общества Психических Исследований — собираются заняться вопросом о переносе мыслей, иллюзиях жизни и Теософском обществе".

Мы отмечаем, что "кукушка" О. П. И. снесла свои первые яйца в гнездах теософии и спиритуализма;** очевидно, оно имеет такое же отношение к науке, как и к своим двум приемным матерям, и оно может сохранять с ней близкие отношения только как вознаграждение за предательство последних и низкопоклонство перед материалистической наукой. Возражая на первые два утверждения, теософы хотели бы спросить христиан и ориенталистов, что же они сделали в своих собственных областях, чтобы осуществить на практике две наши первые цели? Не имея полной уверенности, я все же должна отметить, что все это было лишь разговором и теорией. Привела ли Нагорная проповедь, несмотря на всю ее нравственную красоту, к тому, чтобы так называемые христианские народы обращались друг с другом в духе христианства, или к тому, чтобы они предложили братство народам и племенам Азии и Африки, которых они подчинили себе силой оружия или обманом? И предотвратила ли философская проницательность профессора Макса Мюллера, который показал нам тридцать лет назад, что одна и та же арийская кровь течет в коричневом теле индийского сипая и под бледной кожей английского лорда и британского бакалейщика, от того,

чтобы правящие англо-индийцы предоставили многочисленные доказательства своего высочайшего презрения по отношению к азиатским подданным королевы-императрицы?

Некоторые называют Теософское общество— "Британским Азиатским Обществом плюс филантропия"; а поскольку в последнем отсутствует инстинкт братских устремлений и оно слишком часто обнаруживает желание приносить истину в жертву теологическим пристрастиям, то его деятельность в течение почти ста лет принесла в арийскую философию, религию и науку больше тьмы, чем света. Что касается третьей цели, то необходимо сказать о работе О. П. И., а также французских гипнотизеров Парижа и Нанси, что, накапливая массу важных фактов для будущих философов, они, за очень малым исключением, пытались, в лучшем случае, дать искаженную интерпретацию явлений, которые они не могли подвести под "теорию мошенничества". Все их обязательства были принесены на алтарь Молоху материализма.

Поскольку невозможно отрицать, что эта склонность к материализму быстро прогрессировала в последние полстолетия под влиянием университетской мысли, становится очевидным, что образование Теософского общества в тот момент, когда оно возникло, было исключительно своевременным, и представляло собой шаг в направлении защиты истинной науки и истинной религии от поверхностного знания, которое становилось все более и более самонадеянным. Опыты Шарко в больнице "Salpêtrière" были объяснены приверженцами его материалистической школы столь неудачно, что появление древней эзотерической философии на арене западной мысли

стало жизненно необходимым. Виднейших западных экспериментаторов уже обвиняли в том, что "непроходимая пропасть" Тиндаля и "непознаваемое" Спенсера никогда не могут быть преодолены без чего-то, включающего в себя арийскую эзотерическую доктрину. Интерес культурных слоев общества и любопытство, возникающее в каждой стране, где появляется теософ или теософия, популярность теософской и мистической литературы во всем мире, обогатившая многих издателей и писателей,— все это указывает на появление в христианском мире одновременно и отчаяния, и надежды; утраты веры в то, что наука когда-нибудь разгадает эту тайну жизни, и надежды на то, что решение может быть найдено в тайной доктрине.

Теософское движение было необходимостью этого века, и оно распространилось в соответствии со своими собственными побуждениями, и не требует никаких добавочных методов. Во-первых, оно не могло рассчитывать ни на деньги или пожертвования, ни на общественную или государственную поддержку. Оно вызвало к определенным человеческим врожденным потребностям и устремлениям, и поддерживало возвышенный идеал способности к совершенству, с которым вступали в конфликт официально принятые интересы общества, и против которого они были обречены бороться. Его сильнейшим сторонником было острое желание людей пролить свет на проблему жизни, а также выработать благородные представления о происхождении, судьбе и потенциальных возможностях человеческого существа. В то время, как материализм и его собрат, секуляризм, были направлены на разрушение не только теологии и сектантского догматизма, но даже и религиозной концепции божественной Сущности,

задача теософии состояла в том, чтобы объединить людей разных религий в исследовании истинных основ религии и научном доказательстве непрерывного существования высшей Сущности. С благодарностью принимая результаты научного исследования и выявление теологических ошибок, допуская научные методы и положения, адвокаты теософии пытаются сохранить в остатках культов драгоценные крупницы истины, имеющиеся в каждом из них. Отвергая теорию чудесного и сверхъестественного, они пытаются проследить родство внутри семейства мировых религий и выяснить их согласованность с наукой.

Растущая склонность общественной мысли в направлении теософии, по-видимому, представляет собой реакцию на иконоборческое влияние школ полковника Ингерсолла и м-ра Бредлафа. Безусловно, имеются тысячи так называемых свободомыслящих, искренне верящих в исчезновение личности при умирании тела; но в связи с фактом недавнего обращения миссис Анни Безант от секуляризма к теософии, и связанных с ним дискуссий, может показаться, что есть множество людей, считающих себя последователями двух вышеупомянутых авторитетов, и которые являются таковыми вследствие незнания взглядов, присущих теософии. Мы, руководители и члены Теософского общества, осмеливаемся поэтому надеяться, что при более широком распространении наших взглядов, мы увидим очень большое подспорье нашему делу со стороны секуляристских кругов. Конечно, это должно рассматриваться как польза для друзей духовного, находящихся в оппозиции к материализму,— в любом случае, тем, кто понимает, что нравственность, мир и благосостояние будут поддержаны универсальной

верой в жизнь после смерти (или вечную, или прерываемую сериями перевоплощений на одной и той же земле), и в то, что человек обладает высшей, бессмертной СУЩНОСТЬЮ, потенциальными духовными силами и сознанием.

Самое худшее для общества, особенно для его религиозных чувств, состоит в том, что органы сектантского фанатизма так хорошо преуспели благодаря искажению фактов, неистовой лжи, откровенной фальсификации, в том, чтобы представлять Теософское общество и наше дело в неверном свете в течение последних четырнадцати лет.

Клерикальные органы не одиноки в своей презренной и бесполезной работе, поскольку еженедельники спиритуалистов в Соединенных Штатах столь же ожесточенны и лживы в своем неустанном отрицании теософии.

Злобные выпады и поношение от интеллектуальных апостолов "спиритических путеводителей" и "руководств" по "Саммерленду" множились пропорционально росту Теософского общества. Реакция на последнее совещание, проведенное американскими теософами в Чикаго 29—30 апреля с. г. [1890],* представляет собой прекрасный пример этой слепой и яростной ненависти. Таков был решительный и беспрецедентный успех последней встречи, что даже ведущие газеты Чикаго и других городов должны были признать этот факт, впервые не находя ничего, кроме слов симпатии по отношению к теософам.

Лишь печатные органы "распущенных благодетелей" с тем же успехом изливают на нас свой гнев, издевательства и грубую клевету. Но мы не обращаем внимания на них. Почему же? Сильнейшая враждебность и самое низкое вероломство не способны изменить наши идеи, принизить наши цели, опровергнуть разумность наших методов

или навязать нам эгоистические, неблагородные мотивы. И поскольку провозглашенные нами принципы являются не только неопровержимыми, но и специально рассчитаны на то, чтобы принести добро человечеству, эти заговорщики и клеветники самым примитивным образом удерживают множество людей с религиозными склонностями от того наслаждения, которое они могли бы получить, если бы поняли, что представляет собой теософия на самом деле, и сделали бы ее руководящим принципом в своих поступках.

Если справедливость является законом природы, а несправедливость— временным злом, то ужасным должно быть возмездие, которое навлекли на свои головы эти люди, ведомые по ложному пути. Страдание же, которое претерпели мы, лишь дисциплинировало нас и научило нас быть еще более преданными эзотерической доктрине ради нашего спокойствия и ободрения.

Поскольку темой данной работы является современный прогресс нашего движения, ситуация в этом вопросе может быть лучше всего проиллюстрирована статистическими данными. Чтобы избежать многословия, начнем с 1884 года, когда лондонское Общество Психических Исследований осуществило рейд против нас. Из официального отчета за этот год оказывается, что на 31 декабря 1884 года в разных частях света существовало 104 отделения Теософского общества. В 1885 году, как ответ на клевету против нас, возникло 17 новых отделений; в 1886 — 15; в 1887 — 22; в 1888 — 21; и к 1 сентября 1889 года — 17. К 31 декабря 1888 года 6 отделений перестали существовать, при этом остались работать 173; поскольку в 1889 году были добавлены новые группы, то в сумме сейчас имеется

190 отделений, из которых должны быть исключены те, которые распались в последние 12 месяцев. Однако мы не слышали ни об одном из таких. Наоборот, к июню 1890 года мы насчитываем более 200 отделений.

В Англии— стране, где теософия должна совершать более тяжелую работу, чем в каком-либо другом месте,— три года назад имелось лишь одно-единственное отделение — "Лондонская Ложка" Теософского общества, насчитывающая около 150 членов. Со времени прибытия автора в Англию и образования в июне 1887 года так называемой "Ложки Блаватской" (в которой сейчас состоит свыше 300 действительных и ассоциированных членов), в разных центрах Великобритании было образовано двенадцать отделений Теософского общества, и число их членов увеличивается с каждым днем. Рост нашего Общества в этой консервативной стране поражает даже в сравнении с тем, что было в Соединенных Штатах Америки. Таким образом, начиная с рейда 1884 года, рост происходил со скоростью около 19 новых отделений в год, и конечный подсчет 1889 года показывает такой же большой прирост. Если разделить 104 — общую сумму в конце 1884 года — на 10 (число лет со времени основания Общества), мы получаем среднегодовой прирост, равный 10.4 отделения; таким образом, оказывается, что вопреки надеждам организаторов этого рейда, Теософское общество вовсе не прекратило свое существование, а наоборот заметно увеличило среднюю скорость своего распространения как в отношении своей численности, так и географии.

Бесполезно напоминать американскому читателю о непрекращающемся систематическом преследовании, которому подвергается, и подвергался

в течение многих лет, автор этих строк (а также, благодаря этому, и теософия) со стороны различных врагов, упорных и подлых. Если до сих пор ни заговоры, ни прямые атаки не могли серьезно потрясти Общество или воспрепятствовать его движению, то ничего с ним не случится и в будущем. Мы можем лишь повторить с благодарностью и в слегка измененном виде христианское высказывание, столь применимое сейчас к нашему движению: "Кровь мучеников — это семя теософии". Наше общество проделало так много хорошей работы, посеянные им зерна добра столь очевидны даже среди кучи мякины, что это не может не создать надежный фундамент для храма истины не только в отдаленном, но и в ближайшем будущем.

Ибо теософская литература быстро растет. У нас есть семь основных центров публикации — Мадрас, Бомбей, Цейлон (Коломбо), Стокгольм, Лондон, Париж и Нью-Йорк. Стокгольмское отделение, основанное около года назад, имеет более ста членов, и наша литература в Швеции быстро распространяется. Маленький Цейлон три месяца назад имел двадцать одно отделение, а сейчас имеет по-видимому еще больше. Мадрас является главной штаб-квартирой Общества, официальной резиденцией президента и администрации, и здесь же находится редакция "Теософиста". В Бомбее находится "Теософский издательский фонд", созданный и руководимый м-ром Тукермом Татъя, индийским теософом, который публикует важные работы на санскрите и английском; об этом говорил с большой похвалой профессор Макс Мюллер в письме, опубликованном в "Теософисте" и "Люцифере". В Лондоне имеется "Теософское издательское общество", которое издает журнал "Люцифер" (редакторами которого являются

миссис Анни Безант и я), серию брошюр, озаглавленных "Т. И. О.", выходящих каждые две недели, и много новых теософских работ.

Следуя хорошему примеру Арийского Теософского общества Нью-Йорка — штаб-квартиры теософского движения в Америке — в Лондоне в мае этого года был создан комитет для широкого распространения по почте листовок с теософскими доктринами, причем каждый член Общества отвечает за определенный район. За первые месяцы действия этого "проекта почтовых отправок", Арийское Теософское общество в Нью-Йорке распространило свыше 15000 материалов по теософии и ее доктринам. В Париже год назад начало выходить ежемесячно "Теософское Обозрение" ("Revue Teosophique"), редактируемое мной и руководимое графиней д'Адемар; сейчас (с марта) появился еще один теософский журнал, "Голубой Лотос" ("Le Lotus Bleu"); я являюсь его редактором, а руководит им Артур Арнольд, хорошо известный в Париже журналист и президент парижского Теософского общества — "Гермес". В Нью-Йорке мы имеем журнал "Путь" ("The Path"), редактор которого, м-р В. К. Джадж, издает также ряд книг и брошюр. Существование этих центров неопровержимо свидетельствует о том, что наше движение постоянно разрастается, и что все предвзятые и злобные сообщения, говорящие о противоположном, лишены всяких оснований.

Но вершиной и славой Теософского общества является наша Адьярская библиотека, являющаяся любимым детищем нашего президента. Хотя она основана только три года назад, она уже приобрела большую коллекцию восточных работ величайшего значения, состоящую из 346 томов; кроме того, свыше 200 работ на европейских языках и ряд

редких рукописей на пальмовых листах. Говоря словами нашего ученого библиотекаря, пандита Н. Бхашьячарья (к сожалению, недавно умершего):

"Отдел буддийской литературы богаче, чем в какой-либо индийской библиотеке, и, вероятно, близок к тому, что имеется во многих европейских странах.* Наиболее важными среди этих работ являются:

1). Щедрый подарок миссис Диас Илангакун, буддийского теософа из Матары, Цейлон, "полный текст палийской версии Трипитаки, записанной на пальмовых листах и состоящий из шестидесяти томов, около 500 страниц. Двенадцать писцов в течение двух лет копировали тома из уникальной коллекции в Мериссе", — коллекции, стоимость которой составляет 35000 пожертвованных рупий. 2). Секта Джодо японских буддистов подарила полковнику Олькотту "полный текст китайской версии Трипитаки в 418 томах на шелковой бумаге"... другие "японские секты подарили ему в общей сложности 157 томов". 3). Двадцать два свитка с рисунками на шелке и бумаге... два из которых сделанные на шелке, как утверждают, старше 800 лет, а одна рукопись, возрастом 350 лет, написана тончайшими золотыми чернилами на свитке из очень гладкой черной бумаги, 33 фута длиной, намотанной на валик".*

Таковы некоторые из уникальных сокровищ, книг и реликвий Адьярской библиотеки Теософского общества, "собранные с величайшими трудностями ввиду полного отсутствия денежной поддержки и общественного покровительства"; библиотека "до сих пор не получила от какого-нибудь правительства ни одной книги и ни одной рупии". Эта библиотека переживет своих создателей и всех нынешних членов

Теософского общества, и будет свидетельствовать о проделанной ими работе, когда многое другое будет забыто.

Бросив быстрый взгляд на общие аспекты Общества, так, как они выглядят сейчас, я хотела бы очень коротко обрисовать три основных принципа, на которых оно строится, и изложить результаты, достигнутые по каждому из этих направлений.

Три официально провозглашенные цели нашего Общества состоят в следующем:

1.Образование ядра всеобщего братства людей, без различий расы, верований, пола, касты или цвета кожи.

2.Усиленное изучение арийской и других восточных литератур, религий, философий и наук.

3.Третья цель, преследуемая отдельными членами Общества, заключается в исследовании необъясненных до сих пор законов природы и психических способностей человека.

Таким образом, существуют две обширные цели, и одна— узкая цель. Каждый вступающий в Общество должен симпатизировать теории совершенного братства: братства, которое существует на уровне высшей личности, а не на уровне расовых, социальных и умственных различий и антипатий. Эти элементы расхождений принадлежат физическому человеку и являются результатом неравного развития в условиях закона эволюции. Мы считаем, что человеческое тело является лишь раковиной, оболочкой, или покровом истинной сущности; те, кто принимает эзотерическую философию и теорию "кармы" (универсального закона этической причинности), верят, что сущность, путешествуя вместе со всей массой человеческих существ по

определенным большим и малым циклам бытия, выбирает при рождении разное тело, которое она сбрасывает в момент смерти под воздействием этого кармического закона. Хотя сущность может таким образом "одеваться" и "переодеваться" тысячи раз в последовательных перевоплощениях, сама по себе она неизменна и не способна к изменению, и обладает божественной природой, высшей, по сравнению со всеми условиями земного плана. Только физическое тело имеет ту или иную расу, цвет кожи, пол, разнообразные привязанности, амбиции и любовь. Таким образом, когда мы постулируем идею всеобщего братства, мы хотим, чтобы она не понималась лишь как утопия, хотя мы и не мечтаем о ее быстром воплощении на пути общественных или национальных отношений. Скорее всего, если этот взгляд на родство всех людей в масштабе человечества получит всеобщее признание, то чувство моральной ответственности, порожденное им, могло бы привести к исчезновению большинства общественных бед и международных жестокостей, поскольку миром тогда руководил бы истинный альтруизм, вместо современного эгоизма. Таким образом, мы выдвигаем это торжественное заявление об альтруизме как первую из декларированных нами целей, и пытаемся практической деятельностью обеспечить появление лучших законов.

Вторая из объявленных нами целей так хорошо говорит сама за себя, что нет никакой необходимости останавливаться на ней подробно, разве что в наиболее неподдающейся обобщению области. Основатели Теософского общества исходили из того, что у них есть все основания предполагать существование в скрытом виде в древней литературе Индии, Цейлона, Тибета, Китая, Японии и других восточных

стран большого количества истин, которые могли бы быть очень важными и полезными для нынешних поколений, если бы их можно было бы сделать доступными. Лучше всего для этой работы могли быть использованы восточные ученые, знающие древние языки, в особенности те из них (если только их можно найти), кто был обучен скрытому значению имен, рисунков и выражений, которыми полны азиатские тексты, и которые приводят в отчаяние наших западных ориенталистов. Эти ученые являются священниками различных религий и пандитами, или профессорами, в некоторых восточных философских школах. Никогда до сих пор они не работали вместе в интересах всего человечества, поскольку их личные взгляды в большой степени антагонистичны, а их религии и философские книги часто противоречат друг другу. Никакая схема кооперации между ними не могла быть реализована иначе, чем в рамках, определенных нашей первой целью, то есть на основе теории всеобщих отношений между людьми в плане высшей личности, и политики невмешательства в то, что касается взаимоотношений на уровне низшей личности, то есть физического человека. Далее будет показано, как работала эта часть нашей схемы.

Рассмотрим третью декларацию, в соответствии с которой лишь некоторые из наших собратьев занимаются исследованием оккультных свойств материи и психических способностей человека. Таким образом, Общество в целом не участвует в этой области исследований. Это естественно, поскольку из каждых десяти тысяч людей можно встретить лишь одного, принадлежащего к очень небольшому меньшинству тех, кто имеет время, склонность или возможность совершать эту деликатную и трудную работу. Те, кто делает эту работу,— прирожденные мистики и,

без сомнения, настоящие теософы; теософом является тот, кто ищет божественной мудрости, то есть постижения конечных причин сил, соотношений и психического развития, а также метода решения всех загадок жизни. Люди с такими наклонностями не могут быть фанатиками; их раздражает сектантское ярмо, их сердца согреты симпатией по отношению ко всем тем, кто страдает, кто стонет под социальным гнетом, проистекающим из невежества, к людям любой расы, вероисповедания или цвета кожи, которые стремятся к знанию. Эти люди являются истинными теософами, братьями человечества, и, в своей наиболее совершенной форме, — представителями духовности, проводниками, учителями, благодетелями нашей расы. Мы полагаем, что вполне правильно заявить такую программу исследования и самопознания в качестве последней из наших трех целей. Мистические философские книги в наше время, так же как и в прошлые времена, писались для тех, кто заинтересован в этом, для всех вопрошающих, которые способны их найти и вдохновиться ими. Для широкой публики эти книги — все равно, что черная икра, к которой они не привыкли.

Рассматривая вышеизложенные наши цели по порядку, посмотрим, что было достигнуто в действительности за четырнадцать лет существования Теософского общества. Сводка будет сделана на основании официальных документов, которые могут быть в любое время проверены. Во-первых, что касается первой цели, позволительно заметить, что мы работали в рамках самого широкого из возможных охватов, имея дело как с народами в целом, так и с отдельными людьми или небольшими группами. Полковник Олькотт и я переехали из Нью-Йорка в Бомбей в начале 1878 года, и тогда же мы установили

контакты между западными исследователями восточного мистицизма и некоторыми образованными индусами и сингалезцами. На Востоке мы нашли разделение на секты, касты и расы, древние религии были в забвении, не ценимые образованными слоями общества; расовая гордость, почтение к предкам и патриотический дух почти исчезли. Сегодня путешественник будет поражен проявлениями братства, которые начали преобладать; оживлением интереса к обычаям, достижениям и литературе предков; горячим патриотизмом, кульминацией которого явилось образование Индийского Национального Конгресса — политического образования, с которым наше Общество не имеет прямых связей, хотя оно и было организовано нашими индийскими и англо-индийскими последователями.

Вскоре после нашего прибытия в Бомбей, наше Общество начало расти, количество отделений быстро увеличивалось, и стало необходимым проведение ежегодных совещаний делегатов, представляющих это широко-разветвленное Общество. В ответ на предложение президента, тридцать разрозненных отделений прислали в качестве представителей на первое совещание в Бомбее последователей индуизма, парсизма, буддизма, мусульманства, иудаизма и христианства. Этот состав был уникальным в истории Индии и вызвал широкие комментарии в прессе. Во время встречи в Институте Фрамджи Кавасджи, на трибуну последовательно выходили представители вышеперечисленных религий, соревнуясь друг с другом в горячих уверениях во взаимной терпимости и доброй воле, которые сопровождались шумными аплодисментами аудитории. Таким образом, возникло отчетливое представление о всеобщем братстве, и прозвучала

благая весть религиозной теплоты в той части света, где раньше процветала лишь сектантская ненависть и классовый эгоизм.

Это было в 1882 году. С тех пор такое совещание происходило ежегодно в качестве парламента для организации работы Общества; при этом не возникало ни малейших разногласий сектантского или расового характера. Вся Индия оставалась под благотворным влиянием, исходящим от этих собраний, благодаря деятельности делегатов в своих территориальных округах и среди своего народа; и когда началась политическая агитация и был созван Национальный Конгресс, он действовал с учетом наших позиций, и его организаторы и руководители в значительной степени состояли из членов нашего Общества, которые участвовали в качестве делегатов на наших совещаниях.

Помимо содействия в плетении золотой паутины братства во всей Индии, наше Общество протянуло свои отделения до Цейлона, Бирмы, Сиам и Японии, и привело эти народы к братским отношениям с индусами, несмотря на религиозные различия, создавая таким образом каналы для международных взаимодействий по вопросам религии и образования. В этих странах мы также сеяли те же семена доброй воли, а на Цейлоне мы уже собираем урожай. На этом вечнозеленом райском острове мы оживили буддизм и начали очищать его, организовали высшие школы, взяли под свой надзор около пятидесяти средних школ, распространяли литературу во всех частях острова, убедили правительство объявить день рождения Будды общенародным праздником, основали два журнала, создали типографию и обеспечили прямые контакты сингалезских буддистов с их японскими единоверцами.

Вот что было сделано нами в Индии и на дальнем Востоке. Что касается Европы, то поскольку мы начали работу здесь лишь три года назад, результаты ее лишь начинают быть ощутимыми. Тем не менее, в Лондоне, в самом центре процветающего материализма, мы основали в Истэнде первый клуб работающих женщин, полностью свободный от теологических установок. До сих пор все такие попытки имели сектантский характер, так как были связаны с теми или иными религиозными взглядами; наши же основаны всего лишь на братстве, при этом никакое различие в веровании не рассматривается как препятствие. Когда, через несколько недель, клуб откроется, его члены окажутся в светлом и уютном доме, где для них будут легко доступны книги, газеты и музыка, и где группа их более образованных сестер по очереди, раз за разом, будет нести службу помощи и руководства — но не контроля — за вечерним досугом.

Только те, кто знает тоскливую жизнь наших бедных истэндских девушек, с искушениями, присущими любым формам доступного для них удовольствия, сможет понять братскую природу службы, предоставленной им таким образом. Мы (образованные классы) делаем изгоями этих менее счастливых членов нашей семьи, заставляем их селиться в специальной части города, среди грязных окрестностей и грубых влияний; а затем мы жалуемся, что их грубость шокирует наши тонкие чувства, их резкость дисгармонизирует с нашей деликатностью! Таким образом, здесь Теософское общество провозглашает Братство Людей, выступая против классовых различий, так же, как в Индии оно выступает против кастовых различий.

Что касается возрождения восточной литературы, то вся пресса

Индии, Цейлона и Японии бесспорно заявляет, что мы сделали в этом направлении больше, чем какая-либо другая служба в наше время. Мы не только помогли возродить в Индии древние толы, или пандитские школы санскритской литературы и философии, а также пробудить уважение к истинным йогам, или святым подвижникам, но мы также создали потребность в перепечатках и переводах древних санскритских классиков, которая удовлетворяется частым изданием работ такого рода в Калькутте, Бомбее, Бенаресе, Лукноу, Лахоре, Мадрасе и других индийских литературных центрах.

Наиболее важными среди них являются Веды, Бхагавад Гита, труды Шанкары, Патанджали, и других знаменитых арийских философов и мистиков. Народ Азии публично и несомненным образом выразил свою признательность и уважение к нам за то, что мы сделали в рамках второй из объявленных нами целей. Нельзя не заметить и того, что доминирующий интерес к теософии и к мистической восточной философии в целом, который вынужден будет заметить любой непредвзятый наблюдатель во всей Европе и Америке, прямо или косвенно является результатом деятельности нашего Общества. Справедливость этого утверждения достаточно легко понять, если учесть, что имеется 38 отделений Общества в Соединенных Штатах, и многие — в различных европейских странах, и среди их членов имеется немало высококультурных мужчин и женщин, в том числе выступающих в прессе. Конечно, не мне говорить о том, в какой мере помогли созданию этой новой склонности западного ума книги, которые я написала, и журналы на английском и французском языках, которые я издавала и продолжаю издавать. Достаточно того, что такая склонность существует. Для

теософов это является предзнаменованием появления нового религиозного сознания в мире, предвестником нового союза между наукой и религией, и мира между добрыми людьми самых несовместимых друг с другом сект.

Теперь, что касается третьей цели в нашем списке. Собственно говоря, термин "психические исследования" должен включать в себя крупное движение, известное как современный спиритуализм. Но этот предмет слишком обширен, чтобы его можно было рассмотреть в ограниченном пространстве одной статьи. Достаточно сказать, что многие исследователи научились различать более точно разные классы явлений, и многое было сделано для того, чтобы ослабить сентиментальное и нефилософское суеверие, вследствие которого бестелесные "духи" являлись страдающими очевидцами глупостей и преступлений живых людей. Все, что относится к деталям и заключениям, которых мы достигли по этому вопросу, читатель может узнать в книге "Ключ к теософии", где этот вопрос рассматривается подробно.

По крайней мере, мы можем утверждать, что предоставили мыслящей публике логическую, последовательную и философскую схему происхождения человека, его судьбы и эволюции; схему, превосходящую все остальные по причине своей строгой приверженности к истине. И мы можем расширить наш критерий истины таким образом, чтобы распространить наши исследования на проблемы, касающиеся природы менее известных сил,— космических и психических. На эту тему написаны многие из наших книг, и многие наши переиздания старых работ, с комментариями или без них, выбраны исходя из того,

насколько они проливают свет на эти *quaestiones vexatae*
[мучительные вопросы].

Коротко говоря, нашей целью является помощь, хотя бы в некоторой степени, в достижении правильных научных взглядов на природу человека, которые для нынешнего поколения представляют собой способ реконструкции дедуктивной метафизической или трансцендентальной философии, являющейся единственным твердым и непоколебимым основанием любой религиозной философии. Теософия, универсальный растворитель, выполняет свою миссию; переливчатые краски зари современной психологии смешиваются вместе, и все они волеются в совершенный дневной свет истины, когда солнечный диск восточного эзотеризма поднимется в зенит.

В течение многих долгих лет "великая сирота", Человечество, громко плакало в темноте, прося руководства и света. Среди возрастающего великолепия чисто материального прогресса и науки, которая питает интеллект и оставляет дух голодающим, Человечество, смутно чувствуя свое происхождение и, предвидя свою участь, протянуло к Востоку пустые руки, которые может наполнить одна лишь духовная философия. Стремясь уйти от всякой розни, подозрительности, ненависти, которые разрывают саму его жизнь, оно просило о каком-нибудь надежном фундаменте, на котором можно бы было построить солидарность, какую-либо метафизическую основу, на которой могли бы произрастать самые возвышенные общественные идеалы. Только Учителя восточной мудрости могут создать такой фундамент, который одновременно удовлетворит и интеллект, и дух, и сможет уверенно провести Человечество через ночь к "зарю великого

дня".

Такова цель, которую теософия намерена достичь; такова история современного движения; такова работа, которую теософия уже осуществила в нашем веке.

No. Am. Review, август 1890 г.

*Далее неясно, пропущено около параграфа. (прим. первого издателя).

*В греческой церкви связь, возникшая таким образом, считается столь священной, что брак между крестным отцом и крестной матерью одного и того же ребенка рассматривается как наиболее ужасный вид кровосмешения, является нелегальным и расторгается по закону; и этот абсолютный запрет распространяется даже на детей одного из крестных родителей по отношению к детям другого.

*Следует напомнить, что все "челы", и даже мирские ученики, называются упасака, вплоть до их первого посвящения, когда они становятся лану-упасака. До этого дня, даже те, кто принадлежит к ламам и живут уединенно, рассматриваются как "миряне".

*"Люцифер", апрель, май 1888 г., июнь 1889 г. *Под "успешной практикой" я имею ввиду ту, которая является успешной для тех, кому она предназначена. *В "Люцифере" за июнь 1889 года, Е. П. Б. опубликовала письмо, в котором содержался вопрос о "целесообразности" некоторых требований ученичества, как они были даны в "Практическом оккультизме". Она дала следующий ответ в примечании:

"Ученичество абсолютно ничего не делает со средствами для существования или еще чем-нибудь в этом роде, ибо человек может полностью изолировать свой разум от своего тела и окружающих вещей. Ученичество — это состояние ума, в большей степени чем жизнь в соответствии с тяжелыми и твердыми правилами на физическом плане. Это особенно относится к раннему, испытательному периоду. В то

время как правила, данные в апрельском номере "Люцифера", имеют отношение к поздней стадии, стадии действительного оккультного обучения и развития оккультных сил и внутренней интуиции. Однако, эти правила указывают на способ жизни, которому необходимо следовать всем ищущим настолько, насколько это целесообразно, поскольку это лучшая помощь им в их устремлениях.

Никогда не следует забывать, что оккультизм имеет отношение только к внутреннему человеку, который должен усиливаться и освобождаться из-под власти физического тела и его окружения, и сделать последних своими слугами. Таким образом, первой и главной необходимостью для ученичества является дух абсолютного бескорыстия и посвященности Истине; за этим последуют самосознание и самообладание. Они являются наиболее важными; в то время как внешнее соблюдение установленных правил жизни является, по существу, лишь второстепенным делом". ("Люцифер", апрель, май 1888 г., июнь 1889 г.)

*"Яджна",— говорится в Пуранах,— "существует извечно, поскольку она исходит из Всевышнего... в котором она пребывает в скрытом состоянии от "неимеющего начала". Это ключ к Трайвидье, третьей тайной науке, содержащейся в стихах Ригведы, которая учит Ягам, или жертвенным мистериям. "Яджна" невидимо существует во все времена; она похожа на скрытую силу электричества в электрической машине, которая требует, для того чтобы проявиться, лишь определенного действия подходящего для этой цели устройства. Предполагается, что она распространяется от ахавании, или жертвенного костра, до небес, образуя мост или лестницу, с помощью которой жрец может общаться с

миром богов и духов, и даже восходить при жизни к их обителям". —

"Айтарея Брахмана" Мартина Хога.

"Эта яджна является одной из форм акаши; и мистическое слово, вызывающее ее к существованию и произносимое мысленно инициированным священнослужителем, — это Утраченное Слово, получающее импульс от СИЛЫ-ВОЛИ". — "Разоблаченная Изиды", том I, Введение. См. также "Айтарея Брахмана" Хога.

*Те, кто склонны видеть три Эго в человеке, будут неспособны воспринять метафизический смысл этого. Человек — это троица, состоящая из тела, души и духа; но, тем не менее, человек един, и, конечно, не ограничивается своим телом. Именно тело является его собственностью, временной одеждой человека. Три "Эго" — это ЧЕЛОВЕК в его трех аспектах астрального, интеллектуального или психического, и духовного планов, или состояний.

* Я ухожу к отверженным селеньям. Я ухожу сквозь вековечный
стон, Я ухожу к погибшим поколениям...

* 1. Братство людей; 2. Изучение восточных философий; 3.
Исследование скрытых сил в природе и человеке. См. ниже.

**Истинным инициатором и основателем Общества Психических Исследований был "М. А. Оксон" (м-р У. Стентон Мозес), в настоящее время — издатель журнала "Свет". Это он, будучи членом Теософского общества, первым предложил образовать некое общество для исследования аномальных явлений на путях давно скончавшегося "Диалектического общества". Этот джентльмен, вероятно, много раз пожалел об этой идее. Это общество, потомок спиритуализма и теософии, доказало свою предательскую сущность, хотя и без особого

успеха до сих пор.

*В настоящее время имеются тридцать восемь отделений Теософского общества в Соединенных Штатах; весьма заметная активность проявляется и на Тихоокеанском побережье.

*Подробности смотри в содержательной статье пандита Н. Бхашьячарья, заведующего Восточной секцией Адьярской библиотеки, в "Теософисте" за август 1889 г.

*"Здесь имеется также", — пишет ученый брамин-библиотекарь, — "большая картина, на которой изображены яркими красками 137 сцен из жизни основателя секты Джодо; ... и древняя биография адепта-основателя движения Ямабуси, или братства людей с необычными способностями, и его портрет в виде свитка, вместе с некоторыми огненными элементариями, которые он подчинил своей воле. Доктор Бигелоу из Бостона, находящийся сейчас в Токио, любезно предоставил фотографию бронзовой группы, изображающей Кобо-дайши, адепта-основателя секты Шин-зор, вместе с двумя малыми элементариями, которые служат ему как посланники и прислуга". Все это показывает, что теософский "козел отпущения", Е. П. Блаватская, не придумала ни братства Адептов, ни "элементаров", поскольку об их существовании было хорошо известно в течение многих столетий в Японии, Китае и Индии.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

